

№5 (158)
СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ 2019

ДАГЕСТАН

dagjournal.ru

Колонка неглавного редактора

«... Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши»

Здравствуй, читатель. Не знаю, обратил ли ты внимание, как незаметно оскудела республиканская политическая повестка. Нет, где-то там, глубоко под ковром, несомненно, кипят страсти, строятся и рушатся карьеры и состояния. Периодически кого-то подсекают, прихватывают за жабры, лёгкий всплеск, круги по воде — и снова безмолвие.

Естественно, и в медийном пространстве тишина и покой. Такие, что скоро в нём прорастут кувшинки, лилии и прочие камыш-осока. Ещё побулькивает, подавая некоторые признаки жизни, Черновик — но это и понятно: у него снова неожиданные гости с приветом от Абдумумина. Остальную поверхность медленно, но верно затягивает ряской кондовых пресс-релизов и тиной невнятных инфоповодов.

Зато наши родные мэрии и прочие главы на местах не устают радовать своими свершениями. Или не свершениями. Глава Шамильского района Магомед Гасанов не нашёл житейских тем для беседы с нашим журналистом Найдой Хаспулатовой. И такое случилось с ней впервые за многие годы работы. А вот мы привыкли, и не удивляемся. Хотя и бухтим по привычке.

В оживший после лета Пленэр Влада Бесараб поместила славный город Каспийск. Само собой, вместе с береговой полосой и памятными каждому каспийчанину с детства зданиями. Сидим и наслаждаемся. Кто знает, удастся ли жителям отбиться от гениального генплана мэра Магомеда

Абдулаева украсить городской пляж высотным отелем, а Дворец культуры «Дагдизеля» включить в «комплекс деловой застройки» ...

В махачкалинском «Клубе Красных Шапок» пополнение: к нему — вольно или невольно — присоединилась ныне шведка Амина Котоманова с циклом-шутером. Отстрелявшись по нашим достопримечательностям, она сравнила свой некогда родной город с террипратчетовским Анк-Морпорком. Хотя всем любителям городского фэнтези и Вадима Панова известно, что Красные Шапки это жители Тайного Города и непосредственные участники — или зачинщики — всех неприятностей. Так, одна из главных предводительниц ККШ и застрельщик движа ГородНаш Светлана Анохина не скрывает, что ездила в Баада, где прошла ускоренные курсы приготовления горской колбасы из тех, кто только мычит, но не телится. Очевидно, в неустанной борьбе с зелёными насаждениями Салману Дадаеву и мэрии в целом стоит принять этот факт во внимание.

И в заключение: «Тайная тетрадь» Магомеда Бисавалиева, которую мы так долго публиковали, вышла отдельной книгой. Теперь у нас — «Записки на полях».

На полях, читатель. Кто знает: вдруг для наших разных строк скоро останется место только на манжетах. Но ты себя всё равно береги.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- 4 *Наида Хаспулатова*
Храм, башни
и абрикосы
- 12 *Андрей Меламедов*
Поставить
Дагестан на счетчик
- 20 *Наида Хаспулатова*
Братья-конкуренты
- 26 *Александр Федоров*
На перекладных
и автостопом
- 32 *Влада Бесараб*
Константы
Каспийска

Фото в номере: Руслан Алибеков, Влада Бесараб,
Магомед Керимов, Амина Котоманова,
Гаджикурбан Расулов, Татьяна Юха

16+

ДАГЕСТАН

№5(158) сентябрь-октябрь 2019 г. Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство информатизации,
связи и массовых коммуникаций
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
1350000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

40

**Абстракция —
это всегда не просто так**

*Полина Санаева,
Эдуард Путерброт*

46

**Баллада
о горской колбасе**

Светлана Анохина

52

**Город
тысячи сюрпризов**

Амина Котоманова

58

Записки на полях

Магомед Бисавалиев

61

Рассказы

Ахмедхан Зирихгеран

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

Регистрационный номер ПИ № ТУ05-00418 от 22 апреля 2019 года.

ОГРН 1120572002066

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб.,
у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Наида Хаспулатова

ХРАМ, БАШНИ И АБРИКОСЫ

В Шамильский район я решила поехать, узнав, что здесь только что открылся туристический хаб. Я сама очень люблю путешествовать, поэтому такие начинания мне всегда нравятся. Тем более что туризм — единственная область экономики, которая набирает обороты в нашей республике, официально признанной самым бедным российским регионом. А туризм, естественно, приносит кучу денег и бизнес-объектов. В этом году министерство туризма Дагестана должно построить 8 хабов. Шамильский — пятый, так что своё обещание министерство наверняка выполнит. И ещё интересно было увидеть, что собой представляет хаб.

Вокруг да около

И мы его увидели. Хаб построен около села Датуна на дороге в райцентр. Само село очень маленькое, меньше 200 человек, но главная его фишка — необычный в дагестанских горах древний православный храм. Сам хаб — это маленькая скромная кофейня с верандой, внутри 4 стола и несколько полочек, на которых стоят выставленные на продажу дагестанские сувениры и книги Расула Гамзатова. Подряд идут несколько розеток с зарядками на разные телефоны. Очень важная для современного туриста услуга, правда, мобильный интернет здесь, как и во всём районе, не смог поймать ни билайновский, ни мегафоновский номер.

Главное, здесь стоит хорошая кофемашинка, я тут же попросила чашечку кофе. **Шамиль Джамалов** профессионально сделал мне вкусный напиток и рассказал, что работал в Махачкале сушистом, но его позвали сюда работать одновременно бариста и продавцом сувениров, и он решил вернуться в родное Датуна.

Я всего неделю работаю, уже было несколько десятков туристов, 16 человек из Израиля приехали посмотреть датунский храм. Покупают книги, сувениры, очень классный тидибский чай с травами; сегодня глиняные кофейные чашечки купили. Сказали, в следующем году здесь будут готовить бургеры, суши; будут туристы — и кухню побогаче сделаем. К нам и местные заходят кофе попить, и те, кто из города к родителям приехал.

Смысл хаба не столько в том, чтобы в этом помещении продавались услуги, сколько в том, чтобы вокруг него начала расти туристическая инфраструктура. И первые частные инвестиции мы увидели сразу — напротив хаба расположился магазинчик с продуктами, где кофе, чай и розетку дают всем покупателям бесплатно. Кофе попроще, конечно, чем через дорогу, но зато идёт как бонус. Датунец **Сайпула Магомедов** уже давно пробует наладить здесь свой сервис.

У меня здесь сад. Как-то ехал я из Махачкалы остановился в кафе, заказал шашлык, кофе и заплатил 450 рублей. И поклялся я себе тогда, что буду продавать шашлык по 150; поставил маленький мангал и начал жарить шашлыки. Здесь только насыпь была, за 10 лет потихоньку здание отстроил. Многие любили тут поесть, но приходят знакомые, говорят, завтра деньги отдам. В итоге влез в долги — 60 тысяч, и закрылся. Как только хаб появился здесь, магазин открыл, у меня товар дешёвый. Всё равно хочу шашлычную открыть.

Датунский храм

Юсуп Магомедов — главный специалист районной администрации по туризму, сопровождал нас во время поездки, был нашим экскурсоводом, и всё интересное про район мы узнали именно от него. В Сети информации почти нет, краеведов здесь тоже нет. Он рассказал, что поток туристов в район каждый год растёт. В 2018 было 6 тысяч туристов, в этом году до конца августа — почти 8 тысяч; едут из российских регионов, немало иностранцев из Италии, Бельгии, Болгарии, Эстонии, Латвии. В основном смотрят датунский храм, горские башни и старый Кахиб.

Вот и мы едем посмотреть на совершенно необычную достопримечательность горного Дагестана — древний православный храм, единственный сохранившийся в республике. Мы оставили машину на трассе, открыли деревянную калитку в плетёном заборе и пошли по каменной тропинке среди густых изумрудных деревьев и кустов. И вот за поворотом нам открылось необычное зрелище — небольшое, но величественное здание с толстыми стенами, щелевидными окнами, выпуклой крышей. Храм стоит без окон и дверей уже несколько веков, но хорошо сохранился.

Наши предки до X века были язычниками, католики пытались обратить нас в свою веру, но у них ничего не получилось. Грузинские миссионеры смогли обратить в свою веру наш и несколько соседних районов, мусульманство сюда пришло только в XVI веке. Большое поселение грузинских миссионеров как раз здесь и было. Реми Стерлинг, выдающийся археолог, доказала, что датунский храм построен в начале XI века грузинами. Это грузинский безкупольный храм зального типа из жёлтого песчаника. В 2016 во время реставрации внутри всё побелили, хотя мы не хотели, чтобы была побелка, — он интересен в первоизданном виде.

известии, ячменных колосьев, яичной скорлупы и белка. Историки считают, что этот храм помогли строить местные жители. Тогда они, судя по скелетам на старых кладбищах, были крупные, сильные. Сейчас здесь новая черепица, но мы нашли куски старой, она была темнее и плотнее, чем сейчас.

Фрески до реставрации были, но рассмотреть их было невозможно. Правда, святой отец из Чечни приезжал, сразу сказал, здесь архангел нарисован... Фрески реставрировать не стали — не смогли. И закрасили.

Здесь ещё вандалы поработали. Легенда ходила про царицу Тамару, что она здесь похоронена вместе с несметными сокровищами. Посмотрите, крест на потолке с дыркой — кто-то один кирпичик выбил, ему сказали, что крест выложен из золотых кирпичиков. Естественно, полная ерунда.

Здесь пожар был в XVII веке. После этого храм уже не работал. Сведений о том, что было после пожара, я не нашёл нигде. Только то, что во времена имама Шамиля здесь молились терские казаки. Историки говорят, что загадка, как за столько веков храм, без окон и дверей, не разрушился. В Северной Осетии есть такой же грузинский храм, но он наполовину уже разрушен.

Вы слышите, когда разговариваешь, прекрасная акустика. Видите, эти четыре арки специально для акустики сделали, во время реставрации в них нашли большие кувшины, с метр высотой; сначала думали, что для вина, но никто не будет на такую высоту постоянно забираться, и пришли к выводу, что они для акустики.

Это маленькие кельи для аскетов, в одной можно лечь, а в другой только сидеть — ни лечь, ни встать в полный рост. Попробуйте расковырять раствор в стене — он уникальный: из

Выросший из скал Кахиб

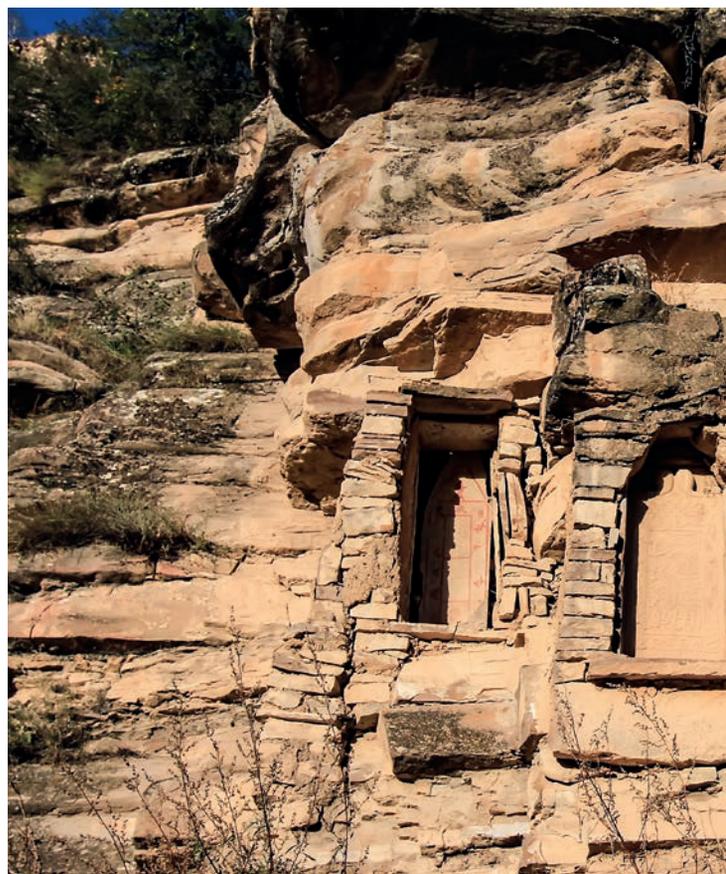
В Дагестане много брошенных сёл, и мне стало интересно, почему туристы приезжают посмотреть именно Кахиб.

Внизу, по роскошной долине рассыпались старые и современные дома. Это Новый Кахиб, который до 1960 года был райцентром района, так и называвшегося — Кахибским. Доехав до Нового Кахиба, мы были вынуждены выйти из машины и дальше следовать пешком. И за очередным поворотом открылось необычное зрелище — казалось, что картина нарисована на скалах. Чем ближе подходили, тем реальнее становился аул. На голых скалах стоят развалины домов из того же серо-жёлтого скального камня, поэтому издали всё сливается и производит незабываемое впечатление. Дома все разрушены, лишь две сторожевые башни целы. Остановившись возле одной, Юсуп сказал, что это стены мечети XVI века. Но почему тогда на этих стенах до сих пор сохранились явно языческие знаки: солнце, лабиринт и самый удивительный рисунок — два оленя и у каждого по солнцу в рогах. Юсуп уверяет, что цвет краски сохранился с тех времен, никто её не подрисовывал. Сомневаюсь, солнце на каменном рисунке ярко-жёлтое. Мы поднялись на крышу верхней 20-метровой башни. Под нашими ногами раскинулась солнечная долина и... древние развалины.

Называется село Кахиб Бакдаб Росо: «Кахиб» с грузинского — скудная земля, «Бакдаб Росо» с авар-

ского — солнечная сторона. Старый Кахиб образовался в VII веке; тогда были постоянные нашествия, войны, набеги, вот и была выбрана для жизни скала, откуда можно обороняться: сверху скалы закрывают, внизу — речка, над селом проходил малый шёлковый путь — через Кахиб, Гента, Мусрух и дальше в Грузию, у нас он назывался «дорога предков».

Дома построены уникально, фундаментом служат скалы: на краю скального массива построены все дома и две башни из камня этой же скалы. И ни клочка плодородной земли.

Старый Кахиб давно заброшен. Первый раз построились рядом, второй раз стали отстраиваться в XX веке — в Новый Кахиб — из-за нехватки земли и что воду надо было в гору таскать; переселились на другой берег речки, там было много плодородной земли.

Единственная теплица

Древние памятники здесь действительно необычны и очень интересны. Авот чем живёт Шамильский район сейчас, нам толком узнать не удалось. Несмотря на предварительную договорённость об интервью, глава района уделил нам всего 10 минут, и это для меня очень странно. Информации о районе в интернете почти нет. Когда сюда приезжают руководители республиканского уровня, появляются репортажи пресс-служб, но их, понятное дело, интересуют свои структуры, а не местные жители. Единственное, что нам удалось узнать, что местные жители живут за счёт абрикосов, персиков и животноводства. И на весь район всего одна теплица в Голотле, вот туда мы и поехали.

Сиражудин Магомедов показал нам свою теплицу, она небольшая — 450 кв. м, с высохшими стеблями — мы попали, когда один урожай уже собрали, а второй ещё не высадили. Оказалось, что Сиражудин фермер с 22-летним стажем, глава КФХ «Кобони», выпускник ДСХА. Помимо теплицы, у него ещё 2 га абрикосовых садов и ферма на 34 коровы. Так что он досконально знает обе основные отрасли Шамильского района. Сиражудин показал кучу почётных грамот председателей правительства РД, глав района, за победу в сельхозсоревнованиях. Получается, представители государства его ценят и поддерживают?

Два года, как я построил теплицу, только на материал потратил 1 миллион 700 тысяч — затраты ещё не окупилась. Печку углём отапливаю, газа в районе нет, в год на уголь уходит 60 тысяч рублей. Как окончил сельхоз, у меня была мечта построить теплицу, чтобы был экологически чистый продукт для населения, — я землю только навозом удобряю. Работаем семьёй: я, жена и дочка с зятем. Продаю помидоры зимой оптом по 150–170 рублей, два урожая в год снимаю — по 6–7 тонн. Сейчас появилась какая-то зараза, белокрылка, никак не могу избавиться. Придётся ехать в Махачкалу на консультации. С реализацией тоже бывают проблемы.

Заниматься фермерством мне нравится. Была заброшенная земля, сделал вручную террасы, посадил деревья — всё в своё удовольствие. Заработать на абрикосах можно, но мало: перекупищики скупают абрикосы по 20–25 рублей, а в Махачкале по 100 рублей продают. Я несколько раз поднимал вопрос в министерстве сельского хозяйства насчёт реализации, но ничего не делают.

За 22 года я не получил от государства ни копейки. И не только я, ни одного настоящего труженика в нашем районе не знаю, кто хоть какую-нибудь помощь получил. Кто получает все эти гранты и субсидии, непонятно. У нас в селе много молодёжи, но здесь работы нет, вот и приходится им уезжать, разрушаются тухумы, семьи».

«Сто школ», одна из них

Школа в Голотле попала в первую республиканскую программу капитального ремонта «Сто школ». Мы решили посмотреть, как она стала выглядеть. Первый взгляд разочаровал — старое одноэтажное здание с белёными стенами. Дети играли перед школой на спортивной площадке на голой земле. Внутри школа выглядит приличнее: гладкие стены, новые двери, блестящая плитка на полу в коридорах, но в классах так и остался старый деревянный пол.

Директор школы Алихан Гаджимагомедов говорит, что даже не сравнить с тем, что было.

Школе 60 лет, и она никогда не ремонтировалась. Мы первые в районе попали в республиканскую программу «100 школ». Вы не представляете, какие тут были страшные стены и двери. Я очень доволен этой программой, крышу поменяли, окна, обшили классы и коридоры гипсокартоном, только фасад остался старый. Помогли и жители села — собрали миллион, за их счёт плитку в коридоре положили и двери вставили, на пол в классах денег не хватило. Спортзала и актового зала у нас никогда не было, столовая приспособленная.

Нужно строить новое помещение, в школе 147 учащихся. 4 класса пришлось перевести во вторую смену. В 1989 году начали строить новую школу, выделили полтора гектара земли, уже пищеблок стоял, но всё развалилось.

* * *

Шамильскому району повезло с уникальными историческими памятниками, на которые едут посмотреть туристы со всего мира. Природа тут суровая, зелёных гор и цветущих лугов мало, но в высоченных голых скалах есть своя величественная красота, и растущий поток туристов тому подтверждение. Главное, хорошо, доброжелательно их встретить, никого не разочаровывать, не портить себе репутацию. И, глядишь, благодаря туризму у жителей района появится возможность жить лучше нынешнего.

Андрей Меламедов

ПОСТАВИТЬ ДАГЕСТАН НА СЧЕТЧИК

Завод «Авиаагрегат» — предприятие уникальное. Не раз и не два на нём ставили крест, предрекая, что очень скоро здесь начнётся раздел территории. В начале перестройки «эксперты» уверяли, что буквально через месяц-два заводские цеха превратятся в рыночные павильоны, и под боком у Восточного рынка возникнет новый мощный конкурент. Несколько лет назад, в пору очередного кризиса предприятия, его землю негласно начали делить застройщики, мечтающие возвести на месте завода новый городской микрорайон.

Но каждый раз, когда казалось, что конец завода неизбежен, и «Авиаагрегат» вскоре исчезнет из реестра промышленных предприятий Дагестана, завод, словно Феникс, восставал из пепла и неожиданно оказывался в числе лидеров, оставляя позади таких гигантов, как Дагдизель и КЭМЗ.

Первый раз это случилось после того как завод, оставшийся без оборонных заказов, разработал и в 2001 году запустил в производство собственный электроусилитель руля для автомобилей АвтоВАЗа, что позволило предприятию выйти на миллиардные обороты и стать основным налогоплательщиком республики. И хотя через десять лет из-за подковерных игр руководства АвтоВАЗа эта программа оказалась свёрнута, завод не опустил руки и начал искать новые ниши на российском рынке.

Вскоре здесь совместно с китайской фирмой начали работать над проектом выпуска коммерческих автомобилей и практически довели его до ума. К слову, этот проект был кластерный, то есть позволяющий на долгие годы загрузить заказами не только «Авиаагрегат», но практически все промышленные предприятия Дагестана. Сбой здесь случился на завершающем этапе, когда правительство РД гарантии по кредиту, твёрдо обещанные предприятию, неожиданно передало заводу «Мараби», который строил бывший премьер-министр Дагестана Абдусамад Гамидов. В итоге производитель, вложивший в этот проект сотни миллионов рублей, вновь оказался в финансовой яме и вынужден был бороться за выживание.

Дагестанские чиновники, кстати, «убили» и ещё один заводской проект, предусматривающий выпуск в Дагестане реактивного самолета СР-10 для учебно-тренировочных центров Минобороны. На «Авиаагрегате» изготовили опытные образцы этого самолёта, которые успешно прошли все этапы испытаний и были рекомендованы для серийного производства.

Первоначально планировалось полностью выпускать данный самолёт в Дагестане, но этому помешала нехватка современных станков с числовым программным управлением. К слову, тех самых, которые

были нужны заводу и для реализации «китайского проекта». В итоге «Авиаагрегат» вместо производства готового изделия вынужден был выпускать лишь небольшую часть комплектующих. А потом проект и вовсе «сдулся» — разработчики СР-10 разместили все заказы на свой самолёт в других регионах, руководство которых, по их словам, «своим производителям палок в колёса не вставляет, а оказывает постоянную и всестороннюю помощь».

Пару лет назад в поисках заказов «Авиаагрегат» вышел на руководство одного из российских авиастроительных лидеров

— Таганрогского авиационного научно-технического комплекса (ТАНТК) имени Бериева, выпускающего многоцелевые самолёты-амфибии. В Махачкалу вскоре после этого приехало несколько комиссий из Таганрога, которые досконально изучили технические возможности дагестанского предприятия. В результате было принято решение наладить в Махачкале серийное производство многоцелевого самолета-амфибии Бе-103.

На «Авиаагрегате» начали готовиться к реализации этого проекта, закупили оборудование, обучили людей, подготовили всю документацию, потратив на эту программу более 136 млн рублей. И вылетели в Минпромторг РФ для подписания финальных документов. Увы, в ходе встречи с министром Мантуровым выяснилось, что буквально накануне Госдума в очередной раз переверстала бюджет, и 4,5 млрд рублей, предназначенных для финансирования производства Бе-103, перекинула на дополнительные нужды российской оборонки.

Казалось бы, что после таких сокрушительных ударов судьбы завод не выживет. Денег нет, долги растут, и надежда на светлое будущее практически нет. Тем не менее, оказалось, что и на этот раз руководство предприятия не опустило руки и готово

всерьёз побороться за возрождение завода. Во время разговора с корреспондентом журнала «Дагестан» генеральный директор предприятия **Гаирбек Гамзатов** был полон оптимизма и надежд на то, что «Авиаагрегат» вскоре выйдет из затяжного кризиса и вновь станет одним из лидеров дагестанской промышленности.

— Помните, мы с вами не раз и не два говорили о том, что республика практически не помогает промышленности, несмотря на то, что именно заводы перечисляют в бюджет около трети всех налогов? Так вот, справедливости ради следует отметить, что в последнее время ситуация поменялась. И весьма существенно. Помните, вы писали о том, что по приглашению Владимира Васильева в Дагестан приезжала делегация Объединенной Авиастроительной корпорации, возглавляемая президентом ОАК Юрием Слюсарем. В составе делегации был и руководитель ТАНТК имени Бериева Юрий Грудинин. В ходе этого визита три дагестанских завода (КЭМЗ, Буйнакский агрегатный завод и мы) подписали протокол о размещении заказов авиационной промышленности на предприятиях республики. Вскоре после этого мы получили заказ от ТАНТК имени Бериева на 43 млн рублей на

производство комплектующих. Деньги для завода небольшие, нам для нормальной работы нужно заказов на 1,5–2 млрд рублей в год, но лиха беда начало.

Вскоре после этого Грудинин стал вице-президентом ОАК и одновременно главным конструктором двух предприятий — ТАНТК имени Бериева и ПАО «ИЛ». Он вспомнил о нас, и сейчас мы ведём с «Илом» переговоры о размещении производства некоторых узлов ИЛа на «Авиаагрегат». На сегодняшний день нам уже заказали 6 больших подъёмников, которые кроме нас не производит никто в мире. Это ещё 18 млн рублей в копилку предприятия и надежда на будущие заказы.

— **Ваш оптимизм связан с ожидаемыми заказами по линии ОАК?**

— Конечно же, нет. Какие-то заказы мы тут ещё, скорее всего, получим, но практика показывает, что все эти вопросы решаются крайне медленно. Что же касается оптимизма... Дело в том, что «Авиаагрегат» в очередной раз решил «изменить» авиапрому и занялся поиском заказов совсем в других отраслях. И опять же, существенную помощь в этом нам оказало дагестанское правительство. В прошлом году и председатель правительства Артём Здунов, и многие его замы провели целый ряд совещаний, на которых говорилось о необходимости размещения республиканских заказов на дагестанских заводах. После од-

ного из таких совещаний к нам поступила программа ПАО «Россети» по снижению потерь в электросетях до 2022 года. К этому времени планируется снизить потери с сегодняшних 36,9 % до 19,37 %.

В этой программе нас заинтересовали две позиции — закупка новых трансформаторов для разгрузки подстанций и приближения их к потребителям и масштабная установка «умных» счётчиков.

Начну по порядку. Для разгрузки перегруженных подстанций планируется закупить 471 трансформатор, ещё 102 трансформатора предполагается приобрести для приближения их к потребителю. В целом на эту программу выделяется 540 млн рублей, объёмы достаточно серьёзные. Со счётчиками ещё веселее. Их планируется установить 277,2 тысячи штук. Цена вопроса — 4,242 млрд рублей. В общем, есть за что побороться.

Совместно с Буйнакским агрегатным заводом (БАЗ) мы решили активно поучаствовать в этой программе. Сначала занялись трансформаторами. Заключение лицензионное соглашение с заводом «Энергопром» из Ставропольского края, приобрели у него необходимую документацию, изготовили опытные образцы, которые успешно прошли сертификацию в Россетях. В общем, вплотную подошли к участию в тендере. Надеемся, что проблем не возникнет. При сопоставимом качестве с продукцией

конкурентов, цена наших изделий процентов на восемь ниже. Это очень серьёзно.

— За счёт чего удалось снизить цену?

— За счёт малых транспортных издержек. Трансформатор — негабаритный груз, доставка одного изделия в Дагестан обходится в 70–90 тысяч рублей. А наши трансформаторы уже на месте, бери и вези их в районы.

— Как планируете осуществлять кооперацию с БАЗом?

— В Буйнакске будут изготавливать основания для трансформаторов, кроме того, они берут на себя строительство трансформаторных будок. Остальное будем делать мы.

— Счётчиками занимались параллельно?

— Да. Начали с изучения рынка, выяснили, что их производством занимаются 12 предприятий. В большинстве своём это кустарные цеха, которые занимаются отвёрточной сборкой счётчиков из китайских комплектующих. Качество таких изделий весьма невысоко, они очень быстро выхо-

дят из строя. К слову, в Дагестане до сих пор устанавливались именно такие счётчики, вызывающие много нареканий у специалистов.

Безусловным лидером рынка «умных» счётчиков по качественным показателям является НТЦ «Арго» из Иваново. Это серьёзный научный центр, выпускающий лучшие счётчики в России, причём на основе отечественных комплектующих. Производственная база у них небольшая, поэтому серьёзных объёмов они обеспечить не могут, выпускают чуть больше 10 тысяч счётчиков в год.

Мы поехали в Иваново, договорились, что будем по их лицензии изготавливать счётчики в Дагестане, получили необходимую документацию и приступили к работе. Решили, что на БАЗе будут изготавливать корпуса счётчиков и контакторы, остальное взяли на себя мы. Вскоре были готовы первые образцы, и мы начали готовиться к сертификации в Россетях. Параллельно наши конструкторы, а также учёные, которых мы

привлекли к работе, совместно с коллегами из Иваново тщательно изучили проект установки счётчиков и нашли решение, позволяющее значительно сократить затраты при монтаже оборудования, передающего показания счётчиков на сервер. Вместе с ивановцами мы переработали традиционные схемы монтажа оборудования и смогли исключить из них некоторые промежуточные технические устройства для передачи информации. Это значительно удешевило проект установки счётчиков, при этом мы абсолютно не потеряли в качестве передачи данных.

В самый разгар этих работ мне позвонили с незнакомого номера. Я взял трубку и услышал голос Владимира Абдуалиевича Васильева. Сначала не поверил, думал розыгрыш, мы с ним не были знакомы, но потом, когда он начал интересоваться, как у нас продвигаются дела со счётчиками и трансформаторами, понял, что это действительно он. Он внимательно выслушал меня и пригласил к себе для беседы вместе с директором БАЗа Нурудином Нажмудиновым.

— Это была встреча с главой республики или совещание?

— Скорее совещание. Васильев был не один, в разговоре также принимали участие Владимир Иванов, Владимир Лемешко, были также приглашены представители нашего Минпрома. Больше всего меня удивила осведомлённость Владимира Абдуалиевича в обсуждаемом вопросе. Он был абсолютно в теме, и мы говорили на одном языке. Интересовался, как идут дела, какая именно помощь нам нужна, сколько будет создано рабочих мест, собрано дополнительных налогов? В конце совещания он дал поручение правительству взять проект под постоянный контроль до полной его реализации.

Вскоре после этого прошло совещание по нашему вопросу у председателя правительства Артёма Здунова. Он тоже полностью поддержал нас, сообщив, что окажет помощь в размещении заказов на счётчики и трансформаторы на предприятиях республики. После совещания, как нам стало

известно, он написал письмо руководству Россетей, в котором попросил поддержать дагестанские предприятия в их начинании. В полученном ответе говорилось, что Россети не возражают против такого подхода, главное, чтобы оборудование это прошло необходимую сертификацию.

— Удалось сертифицировать «умные» счётчики?

— Да, все необходимые процедуры мы прошли успешно, а после этого ещё и провели презентацию нашего проекта для представителей Россетей. Показали, как работают наши счётчики и система передачи данных. Специально для этого установили счётчики в одной из многоэтажек Махачкалы, в нескольких домах в Кулинском районе, Дербенте, Тарумовском районе. Данные с этих счётчиков поступали на сервер в Махачкале, всё работало как часы.

Представители Россетей остались довольны, никаких замечаний по проекту не было.

После этого нам предложили подготовить пилотные проекты установки «умных» счётчиков для трёх районных энергосистем (Табасаранский и Сергокалинский районы плюс город Южно-Сухокумск). Проекты готовы, скоро должно состояться обсуждение наших предложений рабочей группой Россетей.

— Практика проведения тендеров в России показывает, что в них не всегда выигрывают предприятия, предлагающие более качественную продукцию по сопоставимым с конкурентами ценам. Вы уверены, что сможете одержать победу?

— Конечно, нет. Мы проанализировали ситуацию по счётчикам и поняли, что нам предстоит бороться не с конкурентами, а с их административным ресурсом. Не раз и не два тендеры выигрывали фирмы, не имеющие никакой производственной базы, с двумя-тремя постоянными работниками в штате. Но зато у них был мощный покровитель, благодаря которому они в итоге и получали заказ. После этого они начинали набирать персонал и закупать в Китае комплектующие.

Наши надежды на победу

связаны с тем, что этот проект нужен не только «Авиаагрегату» или БАЗу. Он нужен республике. И если руководство Дагестана нас поддержит, если громадный ресурс Владимира Абдуалиевича заставит организаторов тендера учитывать только качество продукции и её цену, мы, безусловно, получим эти заказы, поскольку абсолютно уверены в конкурентных преимуществах своих счётчиков.

Мы очень рассчитываем на ресурс Васильева и в другом вопросе. В ходе работ над счётчиками мы вышли на идею, которая может существенно изменить ситуацию с платежами не только в электроэнергетике, но и на всём рынке коммунальных услуг. Она актуальна не только для Дагестана с его огромными коммунальными долгами, но и вполне может стать основой серьёзной общероссийской программы учёта потребленных ресурсов.

— Можете о ней рассказать?

— Конечно, никаких секретов тут нет. В домах и квартирах, в которых будут устанавливаться «умные» счётчики, мы предлагаем дополнительно устанавливать считывающие блоки на газовые и водяные счётчики. Это очень компактное изделие (размером с пятирублевую монету) позволит через умный счётчик передать сведения о потреблении воды и газа на сервер Россетей. Не надо менять счётчики, не надо монтировать дорогостоящее оборудование для передачи данных. Маленький блок — и мы имеем полную картину потребления коммунальных ресурсов в регионе. А в конечном счёте — в стране.

— Идея, действительно, прорывная, но, подозреваю, что поставщикам коммунальных ресурсов она не очень понравится, поскольку воровать станет намного сложнее.

— Поэтому мы и надеемся на административный ресурс Владимира Абдуалиевича. Если он донесет её до руководства страны, она окажется очень востребованной, поскольку позволит в корне изменить ситуацию с неплатежами.

— Успехов вам и новых идей. А также удачи. Она, как я понимаю, сейчас вам особенно необходима.

Наида Хаспулатова

БРАТЬЯ-КОНКУРЕНТЫ

С «Бисомом» я знакома давно. После того как затихли национальные фронты, «Бизнес-сообщество Махачкалы» — единственная общественная организация, где добровольно объединились и активно общаются сотни людей, при том, что она дистанцирована от органов власти и никак не служит трамплином в госструктуры. Тем более удивительно, что объединились предприниматели, которые вроде бы должны быть конкурентами.

На днях «Бисом» вышел на международный уровень. Он организовал и провёл в Стамбуле первый Турецко-дагестанский форум предпринимателей. Это вообще первый форум нашей республики за рубежом.

Конечно, к нам приезжало много инвесторов, дагестанские чиновники с удовольствием постоянно ездили за границу на всевозможные конференции, выставки для обмена опытом за государственный счёт. Если учесть, что стиль их работы современнее не становился, ни один иностранный инвестор так деньги и не вложил, по сути это были турпоездки VIP уровня за счёт скудного дагестанского бюджета.

На этот форум государство не потратило ни копейки, бизнесмены всё сделали сами, а они не стали бы тратить время и деньги, если бы не были уверены в выгоде проекта.

Создатель «Бисома» и организатор форума Абдулхаким Пахрутдинов сумел завоевать уважение и объединить непростой, а зачастую просто «дикий» дагестанский бизнес. Зачем и кому нужен «Бисом» и форум, он расскажет сам.

Рандеву на Босфоре

— Пять лет с момента создания «Бисома» мы становились на ноги: занимались поиском внутренних резервов, устанавливали дружеские отношения с Ингушетией, Чечнёй, Кабардино-Балкарией. И наконец, посчитали, что можем выйти на международный уровень. Нам нужна коммуникация с коллегами из других стран, потому что бизнес постоянно требует развития, вынуждает идти за новыми технологиями.

Оглянувшись вокруг, мы поняли, что самая подходящая страна — это Турция. Из плюсов: там наши братья по вере, тепло, близко, никаких виз, два раза в неделю из Махачкалы летит «боинг», билеты дешевле, чем в Москву. И при этом успешно развивается любой бизнес, а в нашей стране очень популярны турецкие одежда и обувь, курорты, всё больше людей едут туда на лечение. Лично у меня много родственников в Турции, которые уехали туда в период мухаджирства 150 лет назад. Они занимают достаточно высокие посты, мой четвероюродный брат Ахмед Чинар — губернатор провинции Чанаккале.

Мы нашли такое же сообщество, как наше — крупнейшую в Турции «Ассоциацию независимых промышленников и предпринимателей MUSIAD». Оно объединяет 7 тысяч

реальных бизнесменов, имеет представительства в 50 странах мира. Вышли на них, и они сразу же нас пригласили. Но мы хотели, чтобы поездка была эффективной, поэтому сначала у себя выяснили, с кем бисомовцы хотят встретиться, и за два месяца до приезда отправили туркам свои пожелания. Когда приехали, нас уже ждали те коллеги, которые нам интересны. Делегация состояла из 32 предпринимателей и первого заместителя главы администрации Махачкалы Салимхана Ахмедова, всем были одновременно устроены двусторонние встречи с потенциальными партнёрами. Я попросил турецких друзей организовать встречу Салимхана Ахмедова с самым лучшим муниципалитетом Стамбула, и мы встретились с вице-мэром Чекмекёйского муниципалитета Юкселом Челиком.

Ещё председатель ассоциации мебельных производителей Турции MOBSAD Нури Гурсан пригласил всю делегацию на свою мебельную фабрику — одну из крупнейших в Турции. Большинство из нас впервые увидело такое крупное и современное производство, несколько наших бизнесменов уже договариваются с ним о сотрудничестве.

И только когда мы увидели, что идут коммуникации, выгодные контракты, подписаны протоколы о намерениях, мы подписали соглашение. Оно предполагает ежегодный обмен предпринимателями между нашими странами, в конце весны 2020 года они приедут на турецко-дагестанский форум в Алмаке. Мы решили: почему Швейцария может иметь Давосский форум, а Дагестан не может иметь Алмакский? Мы хотим, чтобы со временем он превратился в место, куда будут приезжать не только турки, но и бизнесмены из других стран. Алмак с его оленьим питомником — одно из самых привлекательных мест в Дагестане. Турецкая компания «Сиде-Су» инвестирует деньги в строительство в Алмаке современного туристско-оздоровительного комплекса, и он в перспективе станет лучшим горным курортом в Дагестане.

Вся моя деятельность направлена, чтобы уйти от пустословия, от хинкальных встреч. Форум в Алмаке, контакты с турецкими бизнесменами направлены на то, чтобы они не сомневались, что их инвестиции будут защищены. Я хорошо знаю, как надо работать с инвесторами.

Поверьте, это очень тонкая работа и дело не одного дня, нельзя спешить.

К сожалению, в наших странах большая разница в отношении к бизнесу. В Турции в ВВП 40 % малого и среднего бизнеса, в России — 18 %. И, конечно, там очень большая господдержка. Но не забывайте, у них рыночная экономика более 100 лет, а у нас лишь четверть от этого срока. Они тоже проходили этапы дикого капитализма, зарождения класса бизнесменов, а нам нужно учиться и учиться.

Растопить лед недоверия

В 2014 мэр Махачкалы Магомед Сулейманов предложил мне стать его советником по вопросам малого и среднего бизнеса. Возникла идея объединить предпринимателей, создав бизнес-сообщество. Такая практика существует во всём мире: создаётся центр, который лоббирует интересы предпринимателей. Первой и наиболее сложной была задача растопить ледяную глыбу недоверия между бизнесом и властью. У меня год ушёл на то, чтобы она начала таять. Я показывал, что хочу им помогать, Сулейманов очень серьёзно меня поддержал. Многие биз-

несмены не могли решить свои вопросы с мэрией, поэтому мой рабочий день начинался с того, что я шёл в администрацию с портфелем с бизнес-проектами и прочими документами. Я был модератором между бизнесом и администрацией, и мне удалось консолидировать самую передовую часть бизнесменов.

Я почти всю жизнь занимался бизнесом, поэтому знал их чаяния и думы, на какие рычаги нажимать. Было видно, что нет мест, куда «люди дела» пришли бы и их выслушали. А я их не просто слушаю, я всё записываю, звоню, помогаю. Таким образом, мне удалось завоевать авторитет, пришло понимание, что лучше быть вместе. Оказалось, они очень соскучились по объединительному началу, а я постоянно подбрасывал поленья в общий костёр, и им это нравилось. Я организовал церемонию вручения премии «Признание» как на фестивале — торжественно, с красной дорожкой и фотографами, — чтобы предпринимателей признали общество и власть. Эта группа общества стала выделяться, стала некоей кастой, что ли.

И главное, если бизнесмен сразу не видит выгоду, он не придёт. Я им внушаю: у вас есть

«Бисом», куда вы можете прийти со всеми проблемами, даже личными — и я устраиваю их детей в садики, больницы. Один даже попросил найти ему невесту. Нашёл и на свадьбе был.

Если я в течение дня 5–6 бизнесменам не помог, считаю свой день бесполезным. Вижу человека, тут же даю визитки, надо уметь строить отношения во всех структурах, которые решают вопросы бизнесменов; везде нужно иметь своё влияние, это мой стиль: кого-то поздравить, с кем-то пообедать.

Сейчас в «Бисоме» 450 активных членов, в расширенном списке 625, каждый месяц принимаем 10–15 человек. Есть взносы — в основном тысяча рублей в месяц, некоторые платят по 5–10 тысяч.

Раз в месяц мы устраиваем бизнес-завтраки на 15 площадках, мы их каждый раз перемешиваем, чтобы они быстро познакомились; все обмениваются визитками и рассказывают о себе. Два раза в месяц проходит годекан, в котором участвует 200 человек, куда мы обязательно кого-то приглашаем. Последний раз был первый вице-премьер Правительства РД Гаджимагомед Гусейнов, до этого министр внутренних дел Абдурашид Магомедов. Общаемся с ними, ведём прямую трансляцию.

Я сам не ожидал, что наше бизнес-сообщество станет настолько массовым. К нам потянулись предприниматели из Хасавюрта, других городов; во всех дагестанских городах мы создали филиалы, кроме Избербаша — ждём, пока там мэра выберут; Хунзах и Сергокала стоят в очереди.

Меня самого удивляет, но ни разу не видел, чтобы внутри «Бисома» бизнесмены относились к конкуренту без уважения. Они говорят: «Он мой конкурент, но он мой брат». Но вот вчера один крупный бизнесмен пришёл жаловаться на ещё более крупного. Я, конечно, помогу. Кто-то затягивает с выплатой долга, такие вопросы тоже приходится решать.

Спасибо за чистку

Я был сторонником того, чтобы Дагестан возглавили люди со стороны, не связанные ни с какими силами внутри республики, и назначения Владимира Васильева и Артёма Здунова воспринял очень хорошо. Я считаю, что президент России в лице Васильева нашёл верную

кандидатуру очень порядочного человека, перед которым была поставлена задача всё расчистить. Однако уже пора и созидать.

Перед «варягами» была поставлена задача показать всем дагестанцам, что работать надо прозрачно и законно, и они нам показывают пример, это все видят, особенно бизнесмены — сейчас о взятках и откатах даже думать страшно. Они нам демонстрируют: «Друзья дагестанцы, вы просто топили себя, своими серыми схемами вы ведёте себя в тупик. Они подали пример того, как надо действовать, и уже надо дать дагестанцам действовать. Заработала инвестиционная программа, все соцобъекты, которые стояли годами замороженные, сейчас достраиваются, действует программа «150 школ» — всё это благодаря тому, что люди начали выходить из тени, платить налоги.

В Дагестане покупательная способность резко падает. Я объясняю это мерами по наведению порядка, это процесс излечения. Да, коррупции стало меньше, но это только из-за страха, она не уничтожена, эти процессы как сорняк ушли далеко под землю.

Но мне кажется, что процессы наведения порядка происходят не всегда правильно. Тот же перевод с территориальных на федеральные нормативы сметы уничтожает строительный бизнес. А строительство надо было развивать, оно вносило самый большой вклад в ВВП. Сейчас в республике строится 40 детсадов и 25 школ, но дагестанским строительным фирмам невыгодно их строить: из-за перехода с территориальных тарифов на федеральные никакого дохода нет — поэтому все стройки отдали военным.

С руководством города ещё сложнее, вся беда в том, что в мэрию Махачкалы никто не приходил с желанием быть полезным городу, его драйвером; все приходили с узкими личными интересами. В нашем городе никогда не было генерального плана. Поверьте, это страшная новость для меня: оказывается, наш город осознанно строился хаотично. Я сам этому не верил, у всех бывших главных архитекторов спросил.

По поводу Салмана Дадаева не знаю, слишком мало времени прошло. Пока вижу три изменения:

Я очень рад, что около памятника Эффенди Капиеву, где земля столько времени была

закрыта, Дадаев пришёл, убрал забор и сказал, что здесь будет сквер.

Он потребовал, что не должно быть ни одного здания без адресного аншлага, мне понравилась идея, я сказал, все мои предприниматели на свои здания его поставят.

Он решил мусорную проблему и нас настроил: мы хотим, чтобы все организации заключили соглашения с компанией «Лидер» и чтобы у всех были мусорные контейнеры.

Считаю ошибкой, что мэр мало уделяет времени и сил коммуникациям с людьми. Сам я люблю опираться на людей, их мнения и полагаю: если мы не будем постоянно слушать людей и строить работу в соответствии с их чаяниями, толка не будет.

Мы встретились с ним один раз в конце июня, проговорили полтора часа. Он умный человек. Согласитесь, не имея определённых качеств, он не занял бы такой пост в Москве, где наши должны быть на три головы выше местных, чтобы получить должность. Он интеллигентный парень, привык к стилю работы Москвы. Я дал ему совет, чтобы учитывал

местный менталитет, советовался с опытными людьми, ему очень важна сегодня репутация. И сказал, что только тот, кто сможет разбудить городское общество, достигнет успеха в Махачкале. Но пока нет консолидации даже в администрации Махачкалы.

Сегодня в Махачкале нет бюджета, вся земля распродана, осталось только одно мощнейшее средство, которое никто не использует, — это сам город, его жители, прекрасные люди. Я ему предложил прочесть книгу «Новый курс» Рузвельта, который вытаскивал США из Великой депрессии, мобилизовал людей во все процессы. Если Дадаев сможет стать флагманом махачкалинцев, использовать этот ресурс, он сможет возглавлять мэрию — без этого ничего не получится.

Но дагестанцы считают несправедливым, что республикой управляет человек со стороны. Ситуация взрывоопасная, может быть сильное возмущение. Сегодня мы проходим этап, который должны были пройти. Мы с вами сами себя загнали в яму, нам показывают путь, как надо работать. На мой взгляд, создаётся площадка для

развития, и должна прийти команда, заточенная на результат, на созидание, на правильное развитие дагестанского общества.

Бизнес-токсикоз и способы лечения

У нас только один шанс, что республику возглавит очень хороший лидер Дагестана со своей профессиональной командой. Татарстан, Калужская область процветают в первую очередь потому, что там очень сильные руководители — лидеры, заточенные на созидание. Я не вижу такого человека, и это большая беда, потому что вся наша кадровая политика строилась неправильно, ничего не делалось, чтобы «выращивать» таких людей. Должен совершенно измениться стиль управления. Сегодня мэр посещает пять совещаний в день, и у него не остаётся времени встречаться с людьми, думать о развитии. Нужны величайшие реформы, новый стиль управления, кадровая революция. Мы в управленческой деятельности совершенно отстали, на десятки лет. Нужны очень серьёзные индикаторы работы любого руководителя, и обязательный критерий — авторитет среди людей и в области, которую он курирует.

Медведев назвал инвестиционный климат в России отравленным, и я с ним согласен. Инвесторы не придут на территорию без великолепно работающих законов и сильной судебной системы. Но если многолетний премьер-министр называет инвестклимат отравленным и ничего не делает, то грош ему цена. Происходит ужасная ситуация — обнищание народа, власть уже не может этого не замечать; это ведёт к социальному взрыву, и я не думаю, что власть наша настолько неблагоразумна, чтобы этого не понять.

Надо не уничтожать любого человека, который хочет открыть бизнес, а поддержать и поблагодарить, что не опустил руки, пришёл. Должна быть великолепная банковская система. В Махачкале было более 100 банков, мы всегда могли найти кредит, а сейчас только два государственных, где бешеные проценты.

В Дагестане построили прекрасный инкубатор, но... У меня сердце кровью обливалось, когда я увидел 25 пустующих офисов, постро-

енных и оборудованных за счёт государства. Ни один бизнесмен туда не пришёл, потому что находится инкубатор за 10 км от города между Махачкалой и Каспийском, нет дороги. Кто туда поедет? А получилось так потому, что делают, не спрашивая нас, в итоге деньги зарыты в песок.

Бизнес недодаёт государству столько, сколько государство недодаёт бизнесу. Если ты хочешь развивать бизнес, надо облегчить его ведение, репрессивными методами развития не добьёшься. Государство с нас последнее снимает, ничего не давая взамен. Везде малый и средний бизнес, понимая его роль, выращивают. Я понимаю, денег у вас нет, но у вас есть здания. Наши предприниматели привозят известного бизнес-тренера Гандапаса, сотни желающих прийти на его тренинги. Я говорю, это же государственные здания, дайте скидку на тренинг. Не дают. Я даже сам готовлю программу «Вести „Бисома“», а они требуют деньги за размещение рекламы на государственном телевидении. Я могу дать деньги, но тогда я не понимаю роль государства.

Если государство не будет нас поддерживать, оно недополучит налоги. В Дагестане нет ни заводов, ни фабрик, ни естественных монополий; есть только малый и средний бизнес, но и они уходят в тень, потому что им не дают работать. Смотрел передачу про Китай, там индивидуальный предприниматель говорил, что к нему только раз в год заходит налоговый инспектор, а наши постоянно кошмарят бизнес; принимался закон, что проверки только раз в три года, но не соблюдают. Это произвол.

Любой чиновник не смотрит вниз — только вверх. Новый руководитель агентства по предпринимательству вообще с нами не работает, ни разу на нашем годекане не был. Предыдущий, Башир Магомедов, был на всех. Гаджи Гасанов честный, интеллигентный, я ему в глаза говорю: «Ты хороший парень, но не руководитель, напиши заявление, уходи». Он не соглашается.

Поэтому я считаю, что самое время строить отношения с нашими соседями. Турецких инвесторов воспринимаю не как панацею, а как катализатор. Если турецкие товарищи приедут сюда и построят гостиницу, частную клинику, наши вложат в 10 раз больше. Это и есть моя главная цель — разбудить дагестанское общество.

По долинам и по взгорьям

Александр Фёдоров

НА ПЕРЕКЛАДНЫХ И АВТОСТОПОМ

Москвичи Александр Фёдоров и Елена Срапян колятся по Дагестану с начала августа. В их команде Лена продюсер, Саша режиссёр. Время от времени они возвращаются в Махачкалу, отсыпаются, отмываются, перестирывают вещи и через день-два опять собирают рюкзаки и едут в горы, расспрашивать, искать героев, снимать. Ездят одни, без сопровождающих. Ездят, как и все обычные люди — на маршрутках и попутках, никакого личного транспорта или джипа с водителем и кондиционером, который будет везти, куда скажут, и ждать, сколько нужно. Всё по-честному. Тем интересней их рассказ.

Сначала мы поехали в село Терутли у границы с Грузией. Самое крутое, это люди, которых мы там встретили.

Это Хазбулат — дядя Равзанат, которая пригласила нас в гости. Они оба на фотографии. Хазбулат просто потрясающий. Он на свои первые деньги начал покупать книги и к своему почтенному возрасту набрал целую библиотеку у себя дома. Единственное, что живёт он в горном селе на несколько семей, где о такой коллекции книг, и особенно о целой библиотеке, даже подумать нельзя. А у него есть и наши любимые книги Джона Рида, и учебники испанского, и пособия по медитации. Хазбулат мечтает открыть краеведческий музей, посвящённый его народу — дидойцам. Он собирает сведения о празднике игби, который практически забыт и празднуется только в одном селе Шайтли. Очень хочу успеть однажды попутешествовать с ним по дидойским сёлам.

В Терутли самый вкусный мёд, который мы пробовали. Особенно хорошо заходит, если смешать его с густыми сливками. Хотя местные почему-то этого не делают. Этот рецепт я узнал в Иране, и теперь всех удивляю, что это вкусно. У семьи, у которой мы гостили, мы собирали мёд прямо из свежих сот. Они жалуются, что год был холодный, и мёда маловато.

Самые космические пейзажи мы нашли в Годобери, куда приехали к родственникам Айшат Магомедовой. Айшат руководила очень известной больницей для женщин в Дагестане. Здесь, говорила она, женщина не знает покоя. На ней все дела: она косит траву на сено, собирает снопы, выводит коров на пастбище, доит, готовит и убирает дом. Годоберинские женщины в шутку говорят, что понятия не имеют, чем занимаются мужчины. На деле же мужчины большую часть года на заработках. И мы здесь, чтобы посмотреть, а как оно на самом деле, как выглядит село, которое вдохновило Айшат помогать горячкам и дало столько сострадания к ним.

В Годобери мы попали на сенокос. Сейчас женщины уже реже таскают сено на себе, чаще на ишаках или на машинах вывозят. Как бы то ни было, быт здесь нелёгок: женщинам всё ещё приходится и косить, и собирать стога и где-то носить сено. Так почти везде в горном Дагестане — быт на себе в основном

тянут женщины. Раньше, когда были проблемы с дикими животными, они с оружием в руках охраняли всю ночь поля. По крайней мере, так мне рассказала одна из бабушек. А ещё традиционно им нужно заботиться о доме и готовить еду. Хорошо, что в последние годы их быт всё проще.

В горах очень непростые дороги. Это самая главная претензия к Дагестану, да и вообще к России. Но есть большой плюс. Пока ждёшь, что очередной трактор расчистит дорогу от завала, можно со многими познакомиться.

Проезжаем маленькое село Кванхидатли, где женщины до сих пор добывают соль вручную. Да, там нас накормили обедом и показали весь процесс. Они берут богатую солью землю и пропитывают её водой из геотермального источника. Потом этот концентрат выпаривают и сушат на

солнце. Это очень дорогой процесс, но и соль пользуется популярностью. Считается, что она лечебная. Но она точно вкуснее. Купить её можно прямо у дороги. Думаю, самое важное в этой покупке — история, которая стоит за простым мешком соли.

Мы гостили у Хаджат в Кубачах, где снимали традиционную свадьбу. Кубачи оказались неожиданно круты. И самое-самое в них — это домашние музеи кубачинцев, у которых можно найти что угодно вплоть до персидской керамики XVI века. Очень круто, что все эти древности пережили Советский Союз.

В Кубачах я отснял очень много, экспонат за экспонатом. Думаю, что пока село покидает всё больше людей, эти комнаты-музеи не вечные, и важно их сохранить — хотя бы в фотографии.

А ещё в Кубачах впервые пошли дожди после длительной засухи. Но пейзажи стали только красивее. Сюда можно приезжать хотя бы только затем, чтобы увидеть туманы во всей красе: они снизу села, сверху села, бывает, что в разных частях села. Читатели блога постоянно сравнивают Кубачи с Непалом или Тибетом.

Всё их таинственный туманный образ. Мы попали на свадьбу, даже на две подряд. Каждый день мы были в тусовке и много снимали. Сначала в доме невесты, на второй день у жениха и на третий, когда невеста принимает поздравления, сидя в правом дальнем углу своей комнаты в дома жениха. Очень много еды.

Это самое потрясающее, что я видел в России за последнее время (и снова в Дагестане), и я не мог обойти стороной. На второй день свадьбы в селе Кубачи, который называется «там» (от слова барабан) прямо в разгар плясок вваливаются ряженые в рыцарей: в доспехах и войлочных масках с узорами. Их называют пальтарами, и они играют шутов, но с особенностями: они могут хлестать людей плётками, кидаться мукой, задирать, пить, курить. И не дай бог ты агрессивно отреагируешь: пальтары соберутся вокруг тебя и начнут гонять плётками. И никто никогда не узнает, кто был под маской.

КОНСТАНТЫ

Влада Бесараб

КАСПИЙСКА

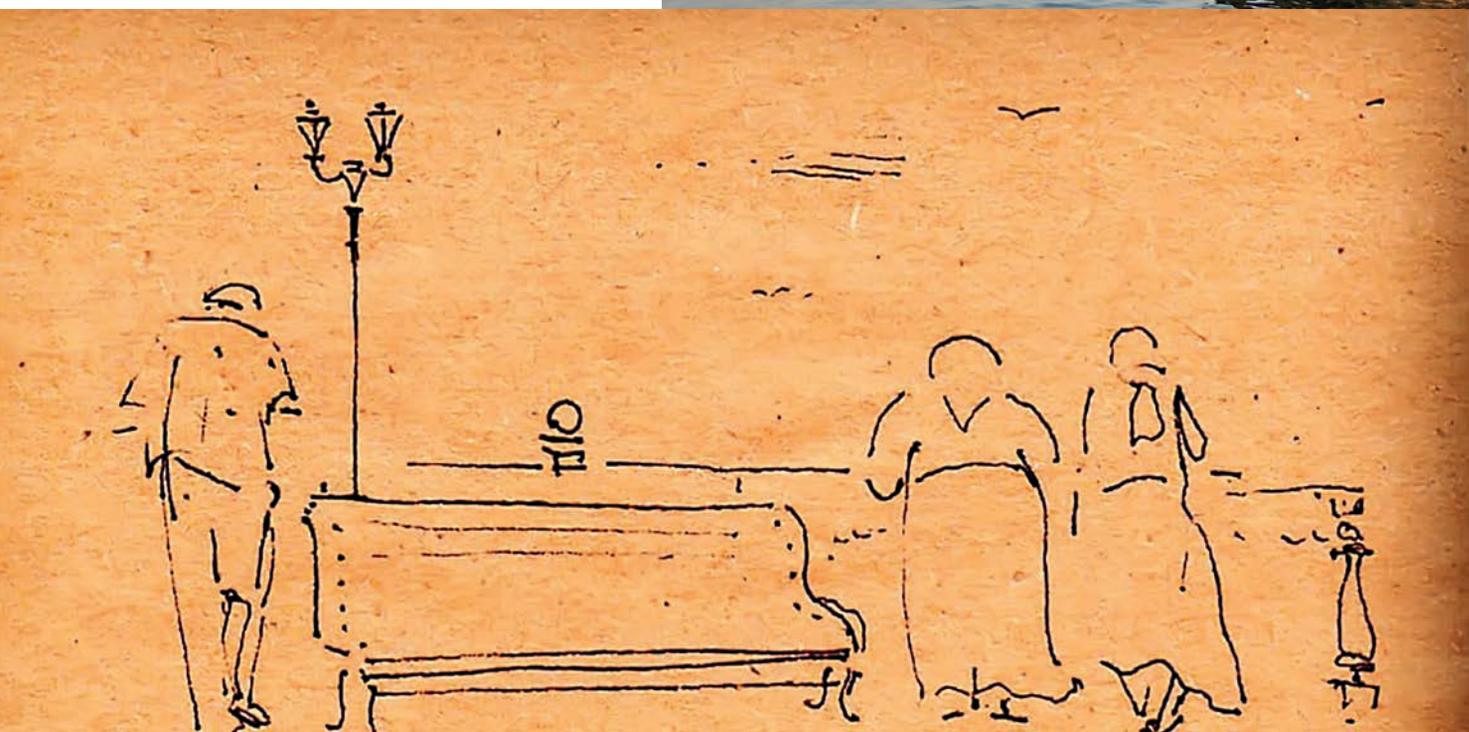
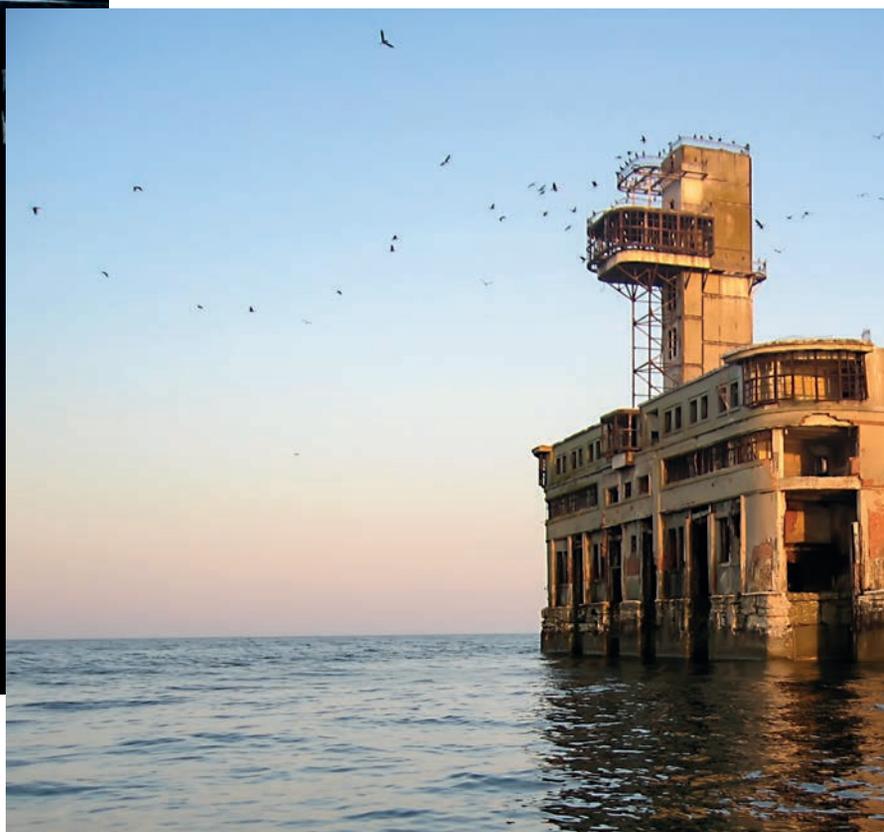
В Каспийске есть художественная школа, а в ней есть традиция — каждый год 1 июня учащиеся выходят на центральную городскую площадь, чтобы разрисовать её разноцветными мелками. Проходящая мимо детвора, а то и взрослые тоже участвуют в процессе. А потом все едят мороженое. Так было во времена моего советского детства, так продолжается и сейчас (хотя несколько лет назад на площади уложили плитку, на которой рисуется не так удобно, как на асфальте). Прекрасная традиция.

«В городе есть своя атмосфера. Ведь большинство горожан работали на заводе, и эти люди по-другому — в них есть уважение к себе — ценят своё время, и у них такой... коммунистический взгляд на всё», — молодая каспийчанка, студентка мастерской графики ХГФ ДГПУ Хадижат Магомедова размышляет о городе и о себе в городе. О себе в искусстве и искусстве в себе она тоже много думает, но об этом — не в рамках проекта Пленэр.

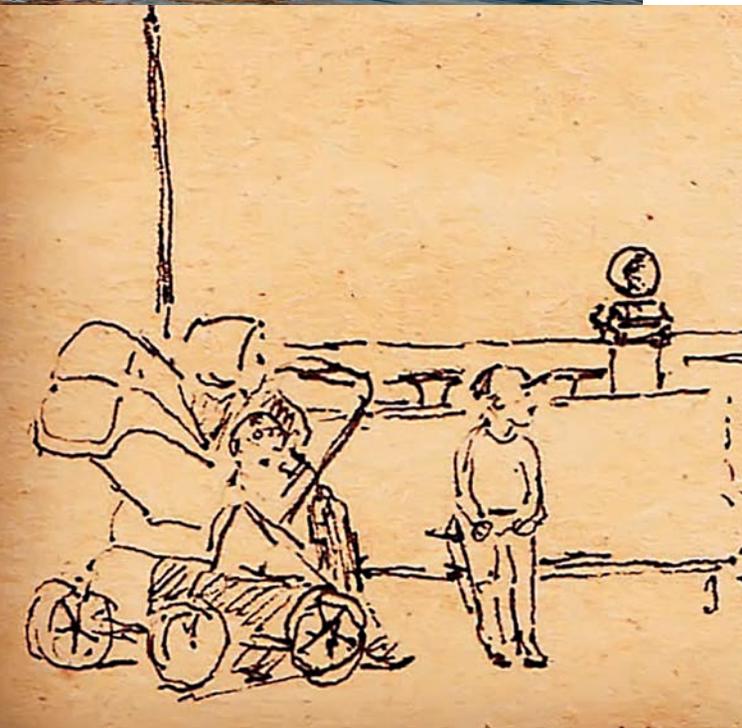
Её воспоминания о заводчанах, спешащих на работу по утрам и возвращающихся вечером по гудку. О, этот заводской гудок, который было слышно во всех уголках города! Он оповещал детвору, что до прихода родителей осталось минут 15–20 и за это время нужно успеть сделать все домашние дела, которые были поручены тебе ещё утром, а главное — «замести следы» посиделок с друзьями. И, конечно, о шахматистах в парке, билетах на новогоднюю ёлку во Дворце культуры, которые родителям

раздавали на заводе (к билету ещё прилагался номерок, по которому после представления можно было получить подарок!), кружках в Доме детского творчества при том же Дворце. Эти воспоминания легко наложились на мои собственные детские впечатления и, уверена, вызовут приступ ностальгии у многих каспийчан.

Только вот мне в своё время казалось, что город наш слишком маленький, душный и депрессивный: в нём ничего не менялось десятилетиями — ни улицы, ни люди. Правда, самолёт на площади сначала поставили, а потом убрали, и плитка вместо асфальта теперь, как уже было сказано. А в остальном: у всех свои излюбленные маршруты и скамейки в парке, своё место на пляже... Аптекарь, парикмахер, мясник, почтальон из моего детства и сейчас работают там же. Они знают меня, помнят мою маму и даже бабушку. Это давило, из этого хотелось вырваться.

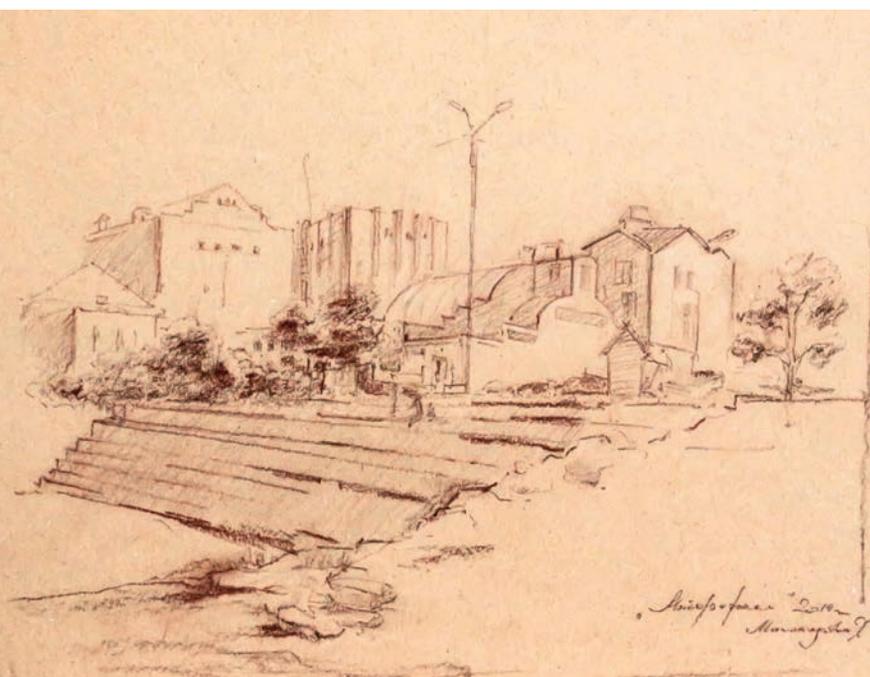
А Хадижат никакого давления не замечает и находит в провинциальной неспешности и размеренности покой и уют. Нет, родной город совсем не кажется ей лучшим местом на земле, хотя в силу юного возраста и такая позиция ей была бы простительна. Она просто принимает его таким, какой он есть. Эта черта вообще присуща коренным каспийчанам: они доброжелательны, толерантны, невозмутимы и терпеливы.

В 90-е, когда у завода не стало заказов, а зарплату задерживали по полгода, а потом

выдавали заводской продукцией, которую было невозможно продать или обменять на что-то нужное, когда весь привычный советский мир рушился, заводчане продолжали ходить на работу. Видимо, это давало некое ощущение стабильности, собственной нужности, не позволяло потерять себя. Да, многие тогда уехали в поисках лучшей доли. А потом многие из уехавших вернулись. А другие никуда и не думали уезжать, они и сейчас там — удят рыбу с волнолома, играют в шахматы в парке, фланируют по Топталовке душистыми летними вечерами и пьют молочный коктейль в «стекляшке» на углу Мира и Ленина.

Вообще-то Хадижат Магомедова — выпускница отделения живописи Дагестанского художественного училища (мас-

терская Наталья Савельевой), и у неё есть замечательные работы маслом. Но на этот раз обойдёмся без них. Потому что ровно сейчас ей как художнику интересен рисунок. Изучая выразительные возможности разных графических материалов, опираясь

дальнейшей работы над композицией, для жанровых вещей, то сейчас к этому прибавилось осознание их самостоятельной значимости. Мастерство художника можно оценить по одному наброску. И мне хочется развить в себе мастерство скорого рисунка, чтобы это было завершённое, а не черновое. Рисунок мастера на любом этапе должен казаться завершённым».

Я хорошо понимаю, что художник имеет в виду, потому что знакома с её Мастером и его рисунками. Нет, конечно, Юсуп Хангомедов себя в пример никогда не ставит, и в качестве образцов демонстрирует работы старых мастеров. Но деликатность, с которой он делает замечания студентам, умение заметить в посредственном учебном рисунке

на характерную для живописцев привычку «идти от пятна», она пытается «найти гармонию между линейным и тональным рисунком» — так она сама сформулировала. И добавила: «Если раньше я относилась к наброскам как к поисковому материалу для

какой-то удачный приём, малейший проблеск индивидуальности позволяют ему убедить учеников, что исправить недоработки можно именно отталкиваясь от этих сильных сторон. «Когда в мастерской все курсы занимаются вместе и сам педагог сидит рядом с планшетом (фр. *planchette* — «дощечка»; доска, фанерный или алюминиевый лист, на которой крепится бумага. — В. Б.), ты невольно тянешься за старшими, лучше видишь свои ошибки». «В печатной мастерской хочется быть: учиться, дружить, разделять радость творчества. Мне нравится её творческая атмосфера с нацеленностью на результат и ощущение преемственности». «У художника должна быть мастерская, где можно уединиться, думать, я очень дорожу личным пространством».

Кстати, общественным пространством Хадижат Магомедова тоже дорожит и

даже ходила собирать подписи в защиту Дворца культуры, над которым в прошлом году нависла угроза сноса (усилиями активистов городской общественной организации «Каспийск — город наш» здание пока удалось отстоять, ведётся сбор документов для признания его памятником архитектуры регионального значения).

Хадижат не скучно бродить с этюдником по улицам, которые она знает не хуже собственной кухни, не надоедает смотреть на остов таинственного «восьмого цеха» на горизонте. Как Клод

Моне, на протяжении многих лет писавший один и тот же пруд с кувшинками, она может бесконечно рисовать лестницу у кинотеатра «Родина» и арку Дворца культуры. Отсутствие перемен во внешнем мире для неё с лихвой компенсируется эволюцией мира внутреннего, которая влечёт за собой и рост художественного мастерства.

Мы продолжаем наш «Культурный портрет», совместный проект редакции и галереи современного искусства «Первая галерея». Автор и куратор проекта — Джамиля Дагирова.

АБСТРАКЦИЯ — ЭТО ВСЕГДА НЕ ПРОСТО ТАК

Магомед Кажлаев — пример совершенно стоической верности себе. Написав «Небесную гитару» в 1971 и сразу же переместившись в андеграунд, он с удовольствием по сей день там пребывает. Слова «понятная работа» в его устах звучат так, словно он сочувствует всем, кому нужно, чтобы искусство было понятным. Пробившись к абстракции через множество «культурных слоев», сегодня он преодолевает и абстракцию: «Сейчас в работе то же, что и всегда. И снова с ощущением, что это рубеж и его нужно преодолеть как самое главное и важное. И что балласт так называемых «достижений» делает этот процесс ещё более трудоёмким и вязким».

Считая свои достижения помехой и балластом, разговор о себе самом Магомед Кажлаев всё время откладывает. Даже уже во время самого разговора. Ему интересней о других. Особенно о тех, чьим продолжением он является. Кажлаев органично ощущает себя внутри истории дагестанского изобразительного искусства. Для него это не сухая цепочка фактов и имён, а живые люди, до которых можно дотянуться. Если не в реале, то в воображении и памяти.

Краткая история дагестанского искусства в изложении Магомеда Кажлаева

Для меня и круга близких мне художников ориентирами, неоспоримыми величинами и одновременно близкими по духу художниками были Галина Конопацкая, Алексей Августович и Гюлли Иранпур-Зейналова. Они сыграли роль некоего камертона профессионализма, честности в искусстве. А за ними, как одну гору, выступающую из-за другой, мы всегда ощущали присутствие в истории дагестанской живописи Халил-бека Мусаясула. Мы знали о нём всегда, хотя знакомы были от силы с двумя-тремя его работами, сохранившимися в музее.

Живопись Мусаясула — это замечательное отражение мировоззрения «Серебряного века», то есть модерна начала века в дагестанском изобразительном искусстве. Он ведь учился в Тифлисе, который был главным культурным центром на Кавказе и который впитал в себя эти тенденции. Я бы сказал, что Мусаясул это мастер прямо-таки «врубелевского» интеллектуального напряжения. А ещё у меня перед глазами его чудесный ранний карандашный рисунок «Мама» из собрания махачкалинского музея — тонкий, изящный и одновременно глубокий. А то, что стало происходить в живописи XX века после «модерна», думаю, на его искусство не очень влияло. Он никак не пересекался ни с футуризмом, ни с кубизмом, ни с абстракционизмом и прочее, прочее... Он до конца остался человеком Серебряного века. И мастером интеллектуального рисунка! Вспомните его иллюстрации к собственной книге «Страна последних рыцарей» — какой изысканный рисунок! Но то, что дошло до нас из сделанного в эмиграции, вдали от Родины, к сожалению, напоминает салонную живопись, хотя и до краёв наполненную ностальгией по Дагестану. Классический пример трагедии художника!

Люблю раннее «этнографическое» творчество Джемала. Это ведь позже ему пришлось придавать своим работам сильное идеологическое звучание. Времена-то были какие — 30-е, 40-е, 50-е... Ну а сначала он просто

живописал жизнь дагестанцев. Я думаю, это он уже потом назвал картину «Семья кулака», а делал-то он просто бытовой, несколько архаичный семейный портрет горца в интерьере. Великолепная работа! Жизнь Дагестана, то, на что его учитель Евгений Лансере смотрел как бы со стороны, профессиональным взглядом уже сложившегося европейского художника, и что он мастерски запечатлевал как путешественник, — людей, пейзажи, бытовые сцены, Муэтдин Джемал видел изнутри и фиксировал по-своему. «Праздник в ауле», «1 мая», «Гуниб», «Корода»... А какой правдивый, академичный, но честный портрет Сулеймана Стальского написал Джемал! Портреты дагестанцев — Героев Советского Союза — все очень хорошие. Но есть у него и огромная картина «Провозглашение Сталиным Автономии Дагестана», демонстрирующая как добротное он мог выполнять идеологические заказы, убивающие его как художника.

Тогда же в тридцатых начинал творить удивительный самодеятельный художник Юсуф Моллаев. Его работа «Кровник» — одна из моих любимых. М. Юнусилау и Д. Капаницына нельзя не назвать. Их живопись — искренняя, честная, а это всегда чувствуешь при первом же взгляде на работу.

В 60-е, во времена оттепели, когда в Дагестане появилась замечательная плеяда композиторов, поэтов и был определённый подъём культуры, в изобразительном искусстве возникла тонкая прослойка самобытных, свободных художников: братья Гасан и Гусейн Сунгуровы, Муртуз Магомедов, Камиль и Наталья Мурзабековы, Галина Конопацкая и Алексей Августович, скульпторы Анатолий Ягудаев, Шахмурза Бюрниев и Белла Мурадова. Это цветы оттепели, их расцвет пришёлся именно на «тёплые» 60-е. Не случайно, что министром культуры тогда был Дибир Магомедович Магомедов, а главой правительства республики — Шахрудин Шамхалов.

Однако вскоре наступил застой. В Дагестан вернулись окончившие престижные

художественные вузы молодые, способные и расторопные художники — мастера соцреализма. Обладая идеологическим нюхом, они вписались в систему, и умело, просто блестяще выполняли соцзаказ. Были и исключения, например, Омар Гусейнов. Но он даже заказные работы писал нервно, тонко и искренно, а потому официального признания не получил.

Естественным было и возникновение местного «андеграунда», представители которого писали непонятные «небесные гитары» и позволяли себе многое. Здесь важна роль Эдика Путерброта. Чуть позже появились другие «нонконформисты» — Юрий Августович, Ибрагим-Халил Супьянов, Апанди Магомедов, Жанна Колесникова, Адиль Астемиров, Ирина Гусейнова... Мне кажется, они создали благодатную почву (особенно учитывая многовековой культурный слой-гумус, доставшийся от предыдущих поколений) для того, чтобы в Дагестане появилась новая плеяда современных художников, идущих после них.

Но где они?.. Им трудно реализовать себя?.. Почему им не живётся и не творится сегодня?.. Отвечать же за Дагестан по-прежнему приходится им — сорока-, пятидесяти-, шестидесятилетним...

Я вырос чуть ли не во дворе дагестанского краеведческого музея, директором которого многие годы был мой отец. Он хорошо лично знал М. Джемала и Д. Капаницина. Мои какие-то работы им показывал, чтоб посоветоваться поступать мне в художественное училище или нет. Можно сказать, что Джемал и Капаницин благословили меня на занятия живописью.

Сначала я занимался в Махачкалинском Доме пионеров, в старинном здании, которое было на месте нынешней гостиницы «Ленинград». И преподавали у нас не кто-нибудь, а П.И. Кусков, Н.П. Черемушкин, Г.П. Конопацкая и А.И. Августович. Поступая в 14 лет в училище, я уже имел некоторый опыт владения карандашом и резинкой. Я учился во втором наборе художественного училища, созданного Джемалом, и моими сокурсниками были взрослые ребята на 8–10 лет старше меня. Но я считался способным, много работал, а каждое лето, уезжая в родной Кумух, писал неплохие импрессионистические пейзажи. Когда мне надо кому-то подарить

свою «понятную» работу, я до сих пор дарю пейзажи того периода. Их у меня ещё целый чемодан остался.

Потом я поступил в Московский полиграфический институт. Специальность, записанная в моём дипломе, — «книжный график».

Так вот когда я работал над дипломом, я и вышел на тот свой собственный «звук», найти который — главная задача любого художника. Выход к самому себе, к тому, что можешь делать только ты — с этого начинается всё настоящее в искусстве. В такой момент отмечаешь всё прошлое и начинаешь жить заново, как бы в другом мире, счастливо и неожиданно открывая в себе что-то большое и важное. Конечно, это надо заслужить, перебороть в себе многое. Но когда это происходит, начинаешь ощущать себя носителем профессии.

Умение счастливо и неожиданно открывать в себе что-то большое и важное, притом постоянно и каждый раз заново — всегда злободневно. Например, сейчас, в связи с коммерциализацией искусства, художник часто вынужденно становится заложником однажды найденного: какой-то одной линии, одной тенденции в собственном творчестве. Это продаётся, это нравится галеристам, публика это приемлет, она жаждет; и художник начинает эксплуатировать одни и те же образы и приёмы. Очень редко складывается счастливая ситуация, когда художник эволюционирует, продолжает делать хорошие вещи и ещё и зарабатывает на них. По мне, так коммерческая линия должна быть сопутствующей.

Моей дипломной работой было оформление книги стихов Расула Гамзатова «Чётки лет». И это было уже чисто абстрактное искусство. Но к тому моменту я не мог по-другому, хотя и знал, что школа Фаворского, лежащая в основе обучения в Полиграфическом институте, отвергает беспредметные образные решения. То, что я делал, работая над дипломом, уже было моё, точно моё! И хотя в институте эту работу в тот год не приняли, так же как и другой вариант на следующий год, я ощущал свою силу, свою полную правоту. Долгая осада диплома Московского полиграфического института завершилась только с третьей попытки — противник был взят что называется измором.

Так я получил первый опыт и понимание, что за свою правоту надо бороться.

В это же время в Махачкале в том же направлении работал Эдик Путерброт, на подходе были Юра Августович, Ибрагим Супьянов.

Я пришёл к абстрактному искусству совершенно естественным путём. Отследив его задним числом, я увидел, что этапы моего собственного становления, органично вырастая один из другого, повторили этапы развития живописи двадцатого столетия: примитивизм (для меня начавшийся с переключки со средневековыми кубачинскими рельефами), экспрессионизм, кубизм и уже затем абстракционизм, и далее... Абстракция — это всегда не просто так! За ней масса культурных подтекстов и контекстов. А движение, живой процесс развития не прекращается никогда. Надо расти и из абстракции, так же органично уходить и от неё, идти дальше. Общество, культура находят новые формы образности. Сегодня, например, это иронично-заумный концептуализм.

Конечно, я не стал членом Союза художников Дагестана, и ни о каких крупных выставках не могло быть и речи. Единственная моя в те годы персональная однодневная закрытая выставка прошла в 1972 году в помещении Союза художников на Буйнакской.

В Москве я был участником легендарных подпольных, квартирных выставочных акций, например, выставки неофициального искусства «На шести квартирах», выставках на «Малой Грузинской» и др. Оформил несколько книг, но они не были напечатаны, потому что я отказывался переделывать собственные макеты. Я так выкладывался, тратил на это столько сил, что, когда возникали претензии, просто говорил: тогда не надо издавать!

Одной из возможностей существовать в официальном искусстве для многих тогда (да и по сей день) была сценография. Ведь Путерброт (И. Супьянов и Ю. Августович сейчас) официально был именно театральным художником. И в этом качестве сам участвовал во многих крупнейших всесоюзных и всероссийских выставках театрального искусства, туда и меня подтягивал. Мои живописные работы подавались как неосуществленные эскизы к тем или иным спектаклям, и зачастую покупались

российскими и всесоюзными выставками. Дагестанская ветвь российской сценографии считалась одной из самых сильных, и в качестве признания этого факта в Махачкале в 1990 году прошла «Выставка художников театра, кино и телевидения Российской Федерации». Если учесть, что российская сценография традиционно лучшая в мире, то это был серьёзный успех.

Я живу между Москвой и Дагестаном с начала семидесятых. И ощущаю себя дагестанским художником в ссылке. Хотя... всё это так условно — местонахождение, национальная принадлежность... В искусстве всё сплавляется: национальное, вечное, современное, личное. Художник — он всегда один на один со всем миром. Где бы он ни жил, где бы ни находился... То, что я делаю здесь, я мог бы делать сидя у себя в Кумухе. А национальное, оно всегда во мне, на ментальном, геномном, и не знаю ещё каком — самом тонком уровне. Это органика. В каждой моей работе бессознательно или осознанно я проявляю себя как типичный дагестанский художник. Но я не делаю что-то намеренно, чтобы лишний раз подчеркнуть или выпятить «национальные особенности». Как только начинаешь делать это специально, начинается фальшь.

Кажлаев из тех, кто всегда находит для себя ещё и дополнительную бесплатную работу. Будучи неофициальным «министром культуры» московского культурного центра «Дагестан», он много лет организует в Москве выставки дагестанских художников, находит спонсоров, издаёт иллюстрированные альбомы... Словом, ищет пути для того, чтобы их искусство стало известным на родине — с одной стороны, и за пределами страны — с другой. «Кто же, если не я?» — говорит себе Кажлаев и такие, как он. А в 2000 году он совершил почти невозможное — осуществил издание иллюстрированного альманаха «Круг», благодаря которому современные дагестанские художники были органично вплетены в контекст мирового искусства.

Полина Санаева

Прогулка вдоль Магомеда

Пьеса в 49 картинах и 84 листах бумаги.

Действующие лица: *Эдуард Путерброт*
Вильям Мейланд

*Резко открывается занавес. Интерьер выставки.
Висят картины и ещё что-то. Светло.
Посредине стоит Эдуард, по виду художник.
Он гуляет.*

Эдуард (прочувствованно и с волнением): — В вольных от установлений делах Магомеда Кажлаева, главное для меня и особый дар — за грубостью, шершавостью, неприбранностью среды, нас окружающей, забирающейся нагло в наше сознание, — видеть тонкость и душевность мира, лишь окрысившегося на обстоятельства.

*По сцене бродит Вильям Мейланд, галерист,
поэт, умница. Эдуард, увидев Вильяма, смущается.*

Эдуард (оглядываясь): — Чувствую, что сформулировал это слишком прямолинейно — за этим есть ещё такие глубины смысла, до которых я не могу донырнуть в суете жизни.

Вильям не слушает, бродит.

Эдуард (на полном серьёзе): — И тогда я открыл, что художнику можно достичь таких высот, что его искусство никому не будет нужно, никем не будет понято. Магомед уже к этому близок.

Вильям видит ноги Магомеда.

Вильям (неожиданно резко): — Когда я познакомился с Магомедом, он был обыкновенным художником, т.е. писал на холсте что-то общепринятое. Хорошо бы привести пример, что именно он писал, но никак не могу вспомнить...

Эдуард (громко, но неуверенно): — Ему трудней нас всех и легче, так как он равнодушен к сочувствию зрителя. Ему от него ничего не нужно. В его играх соучастие не предусмотрено.

Вильям выходит вперёд.

Вильям (не слушая Эдуарда): — Может, он тогда уже был странным? Я даже собирался купить у него несколько работ для галереи, но, увы, это был не «товар». Что же это было и есть? Что означают бесконечные каракули и слова Магомеда на бумаге и холсте? Взрослые детские игры?

*Эдуард выходит вперёд.
За ним вдруг темнеет.*

Эдуард (уже не слушая Вильяма): — Это игра-бой один на один. Магомеду достаточно на свой выпад ответа от листа бумаги, от плоскости холста.

Вильям выходит вперед.

Вильям (нараспев): — ... взять кисти и краски, и уйти в какое-нибудь тихое место, и написать что-нибудь обыкновенное и даже фигуративное, что можно будет продать, или просто выставить на всеобщее обозрение в золотой раме...

Эдуард (нервно): — Мы — другие, мы обращены лицом к зрителю, копаемся в уже готовых ценностях. А между...

Вильям (не менее нервно): — Очень хочется посоветовать что-нибудь Магомеду, мол, Магомед-Магомед, хватит воспроизводить процесс. Остановись! Сделай что-нибудь не авангардное. Хватит покоробленных бумажек и грубых разнокалиберных холстов! Напиши красивый натюрморт, Магомед! Или пейзаж с горами, речкой и мостиком.

Эдуард (зачем-то громко): — А между Магомедом и холстом нет расстояния. Художник этот не даёт заглянуть в работу. Он загородил собой изображение, даже когда отходит от сделанного во времени.

Вильям (очень мягко): — Я, конечно, понимаю, что вряд ли Магомед меня послушается. Он же странный художник. Но и я не могу больше созерцать процесс, который ведёт в никуда. Сыграй на дудочке, Магомед, а потом отложи её и напиши картину. Останови мгновенье, Магомед!

Вильям уходит, не оглядываясь

Эдуард (осмелев): — Магомед, угловатый, колкий, отдельный, тогда как те, кто много трётся среди себе подобных, стираются как голыши.

Садится на пол. Темно.

*Занавес закрывается. Справа перед ним видны
ноги Магомеда. 26 июля 1993 г.*

Пьесу составил Э. Путерброт. Он извиняется за непредусмотренное В. Мейландом вольное использование его текста.

Текст к каталогу выставки Магомеда Кажлаева «Тотальная каллиграфия».

Август, 1993 г., ДМШИ, Махачкала.

Эдуард Путерброт

Светлана Анохина

БАЛЛАДА О ГОРСКОЙ КОЛБАСЕ

Как готовят колбасу в дагестанском горном селе и почему важную часть процесса доверяют самой старшей женщине в доме

Когда люди говорят о ностальгии, мне всё время кажется, что они немного притворяются. Ну, вроде договорились когда-то между собой, что так правильно, что надо тосковать, маяться, видеть во сне родные берёзки, сосны, кипарисы-карагачи-чинары-пальмы-лопухи и прочую флору, и теперь по инерции продолжают эту сказку поддерживать.

Во всяком случае, большинство моих знакомых, давно уехавших из Дагестана, вполне безболезненно переживают отрыв от родной почвы.

Если случается же вдруг ностальгическая хандра, легко справляются с ней при помощи двух вещей. Первая — это «Разные песни по-любому», вторая — горская колбаса.

А колбаса — это вам не шутка, не просто еда, а нечто в высшей степени поэтическое и чуть ли не национальный символ (неслучайно для непривычного уха «солнце» и «колбаса» по-аварски звучат похоже, как двоюродные: «бакъ» и «бакъ»).

Её, перед тем как съесть, надо любовно оглаживать взглядом, нюхать, щупать, допытываться, кто и в каком селе делал, и только потом бережно опускать в кастрюльку, класть на сковородку или лопать просто так, откусывая от целого куска, но не торопясь, растягивая удовольствие, баля язык и каждый из его вкусовых пупырышков.

Сладкая слюна наполняет рот, сладкие слёзы увлажняют глаза, всплывает в памяти босоное высокогорное детство, буколические забавы, пасторальные радости... эх, да что там говорить! Жевать и плакать!

Короче говоря, именно за колбасой мы отправились в горы. За ней и за новыми впечатлениями, потому как рассчитывали поучаствовать в процессе от самого начала и до конца. Хотя бы в качестве наблюдателей.

В Бацада нас ждали. Заранее было договорено, что подъедем к полудню, и без нас хозяин Магомед М. обещал не начинать. Только мы с фотографом Таней Юхой всю дорогу нервничали. Не только из-за того, что дорога снежная, опасная, а резина на колёсах летняя. И даже не из-за того, что опоздаем.

Просто мы девушки абсолютно городские, где-то даже книжные, для которых и курица — уже дикая природа. А уж видеть, как живая, моргающая тёплая корова превращается в неживую тушу, нам обеим не доводилось никогда. И неизвестно было: справимся ли с собой, не впадём ли в позорную бабскую истерику при виде ножа у самого коровиного горла?

Не впали. Стояли как два солдата и смотрели, как уложили на бок увязанную хитро корову, как определили её расположение в пространстве с помощью маленького компаса-брелока, как человек в папахе и кожаной жилетке пробормотал над ней молитву, достал нож и легко провёл поперёк шеи. Как поили её, уже практически зарезанную, вливали в приоткрытый рот воду из кувшина.

Говорят, так положено. Что прадеды так делали и нам завещали, и что человек перед смертью тоже пить хочет. Себя я видеть не могла, а Таня была белая как стенка. Через объектив, наверное, всё ей казалось ближе и страшнее. Но впадать в интеллигентскую рефлексию — мол, ах, животную убили!

— было нелепо и стыдно. Бифштексы-то жрём-с! И не без удовольствия. Да и красота во всём этом действе была. И правильность.

Впрочем, корова перестала быть коровой, а стала просто мясом — таким, как на рынке — сразу же, как только её приняли

свежевать. Торчащие вверх, обесшкуренные, покрытые перламутровой плёнкой ноги с мышцами и сухожилиями были уже нестрашной говядиной. Кровавый снег сгребли лопатой в ведро и куда-то унесли.

Кошки, сразу набежавшие и потом не отходившие от нас на протяжении всего дня, щурясь от наслаждения, пожирали какие-то бурые тряпочки — обрезки и ошмётки. На всё про всё ушло ровно 43 минуты — я засекала. Пятеро мужчин корову зарезали, тушу выпотрошили и разделали, снятую шкуру свернули, перевязали, аккуратно сложили у входа в дом, отдельные куски мяса засолили, развесили во дворе и сели за стол. Их мужская работа была кончена, и начиналась работа женская.

Как они ходят по крутым заснеженным склонам и не падают — понять невозможно. То ли обувь специальная, то ли ещё что, но, чтобы спуститься за женщинами к роднику, не разбить голову и не переломать руки-ноги, нам пришлось очень осторожно выбирать дорогу, всё время балансировать. В некоторых особенно скользких местах мы просто плюхались на задницу и так сползали вниз. А они, эти женщины, шли спокойно, да ещё и несли тяжёлые тазы со всякой требухой — промывать. Кишки и желудок. Под проточной родниковой водой.

Кто бы мог подумать, что у коровы такой огромный желудок! В него налили воду, чтобы промыть хорошенько, и он, наполненный, напоминал странное морское животное. Три женщины, склонившись над ним, вальяжно развалившись в тазу, легко подталкивали его под бочок, вроде баюкали, а он переваливался, менял форму, колыхался, обнажая устье, похожее изнутри на обивку кресла или дивана. Ворсистую, рубчатую, горчичного цвета.

И хищные кошки, конечно же, обступали нас со всех сторон, караулили: вдруг и им обломится. Впрочем, куда делся желудок потом, осталось неизвестным. Мы его больше не видели. Может, отдали кому-то. А вот кишки, бесконечно длинные, готовые в любой момент прорваться, лопнуть и стать

совершенно некондиционными — тщательно промывали, направляя в них струю проточной воды из гибкого резинового шланга. Они раздувались, наполнялись, как живые корчились в тазу. Их потом ещё раз промо-

ют и протрут солью, чтобы избавиться от слизи.

Говорят, что в разных сёлах Дагестана колбасу готовят по-разному. Где-то в неё добавляют картошку, где-то — капусту. «Но у нас в Бацада, — упрямо мотая головой,

настаиваем мы с Таней на правах людей понимающих и к процессу причастных, — в колбасу добавляют лук и тыкву! Тыкву — и никаких компромиссов!» Ведро крупно нарезанного лука и тазик с натёртой тыквой уже стояли в доме, дожидаясь, когда их пустят в дело. А вокруг в тазах и тазиках, вёдрах и плосечках лежало Мясо. Будто страш-

ный Робин Бобин Барабек из детского стишка уже начал свой обед, взял, что называется, разгон.

В прежние времена, конечно, всё делалось вручную. Никакого тебе электричества. Никаких мясорубок. Мясо для колбасного фарша рубили топором, и было оно, как утверждают, в разы вкуснее. Не знаем. Не пробовали. Можем зато

представить, сколько времени эта процедура занимала! А так — женщины ушли куда-то к электромясорубке и вернулись минут через 40. Когда нас позвали, таз с фаршем уже стоял посреди кухни, уже вывалили туда лук и тыкву (вы не забыли, что только тыква, и никаких капуст-картошек?). И старшая в доме, 85-летняя Патимат, усаживалась на низкую треугольную табуретку, готовясь к серьёзному делу. Солить, перчить и тминить... тминовать... короче, добавлять тмин в нужной пропорции, она, оказывается, не доверяет никому.

Мне позволили только помочь Патимат перемешивать фарш. Признаюсь честно, плечи заболели уже через пару минут. Может, неловко села, неудобно. Всё-таки на корточках центр тяжести смещён, согласитесь. Может, нет привычки к физическому труду, но вся эта смесь в тазике перед нами была тяжёлой, вязкой, неподатливой. Она

неохотно отлипала от дна, зато здорово прилипла к пальцам, норовила выскользнуть из рук и шлёпнуться на пол; таз грозил перевернуться от любого неверного движения, и я прямо вся измучилась, боясь опозориться. Тем более у Патимат всё выходило чётко и красиво! Выверенные жесты, эргономичные, как сейчас принято говорить. И я на её фоне, конечно, выглядела дура душой, неумехой с известно откуда растущими руками. Хотя женщины, стоявшие вокруг, были вполне доброжелательны, если смеялись, то дружелюбно, и даже помогали, подходили и засучивали мне постоянно сползающие рукава свитера, которые я безуспешно пыталась поднять подбородком.

Зато очень получилось крутить ручку мясорубки! Оказывается, кишки выворачиваются наизнанку! То есть один конец обвязывается загодя приготовленными белыми толстыми нитками, немного продавливаются внутрь и насаживаются на раструб. И масса, которую мы с Патимат так тщательно перемешивали, разделённая на порции, под давлением проталкиваясь вовнутрь, заполняла всё свободное место и ползла, удлиняясь, формируя уже почти готовую, живую, настоящую горскую колбасу. А наготове лежал бинт. На случай, если вдруг где-то что-то прорвётся, и надо будет тогда перематывать, перевязывать повреждённое место, как больное горло. Для городского человека, не привычного к готовке, покупающего еду в магазинах полуфабрикатов, — впечатление бешеное!

Дальше она будет сушиться. То, что в полдень ещё ходило и мычало, к 8 вечера уже было едой. И курзе вкуснее тех, которыми нас кормили в Бацада, мы никогда в жизни не пробовали. В пол-ладони, сочные, пряные.

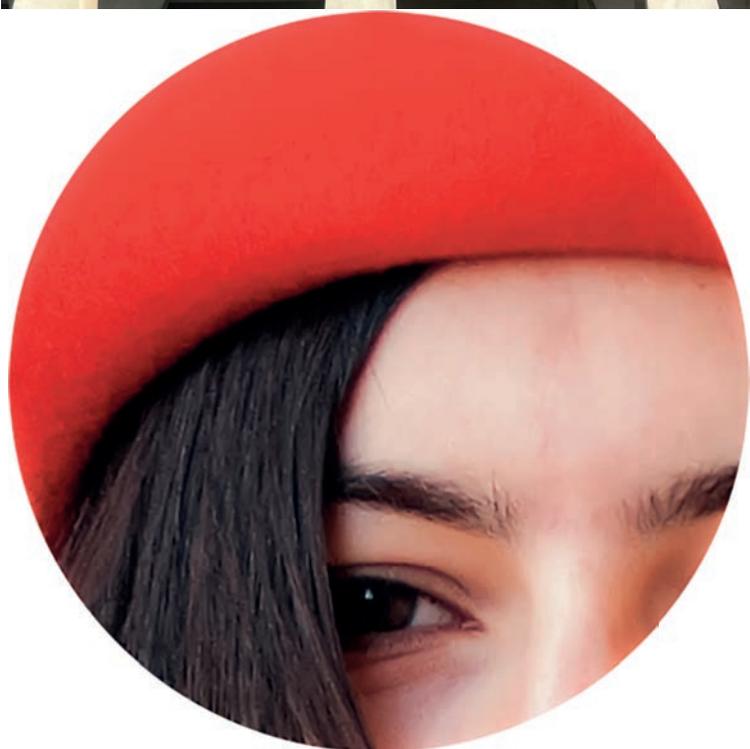
А колбаса... Что колбаса? Всем троим: Тане, нашему водителю Валере и мне — было выдано по колбасному кругу, и мы привезли их в Махачкалу. Сначала она отлежится, потом повисит дней 20–30 на холоде, и всё. Можно есть и угощать гостей, хвастаясь, что делали, можно сказать, своими руками. А можно и отослать друзьям в Москву, Питер, Киев, Смоленск, Воркуту и где они там у нас ещё? Вдруг «Разные песни» им уже поднадоели. Пусть вспомнят о доме и о том, как похоже для непривычного уха звучат по-аварски «колбаса» и «солнце».

Фото Татьяны Юха

**ГОРОД
ТЫСЯЧИ**

СЮРПРИЗОВ

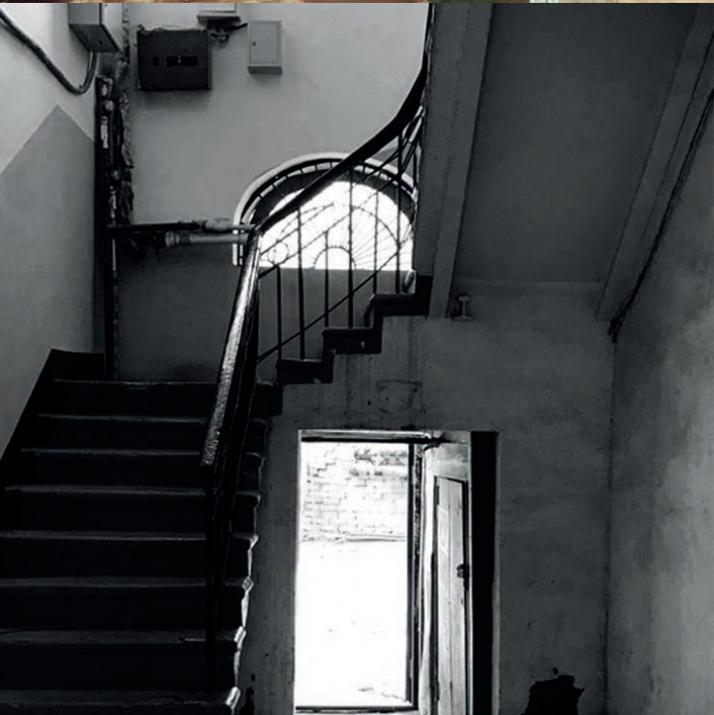
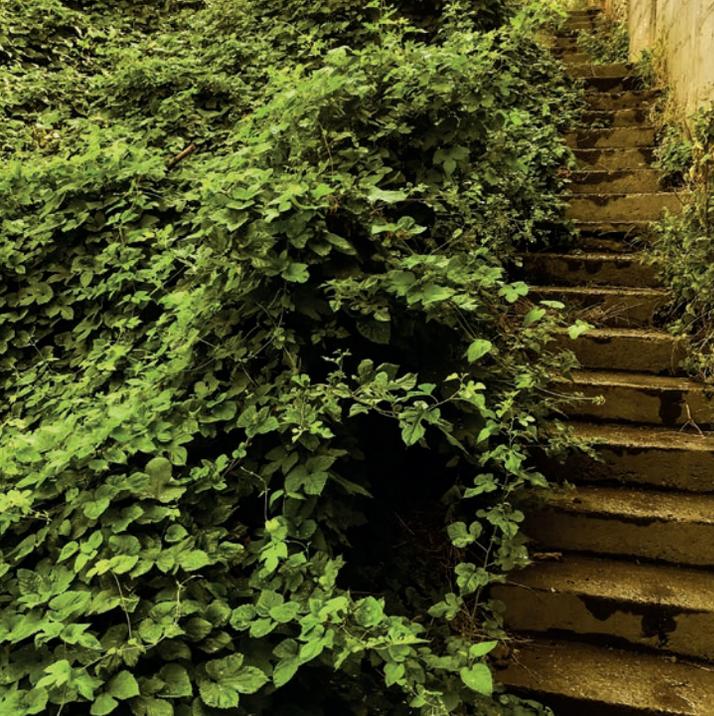
Амина Котоманова

Махачкала прекрасна! Обычно, когда я так говорю, люди смотрят на меня очень долго и загадочно. Наверное, думают что-то хорошее... (я так надеюсь).

Конечно, могло быть и лучше. Я могу сравнить Махачкалу с разными местами моего проживания, и она проиграет шведскому Линчёпингу в чистоте и российскому Питеру во всём остальном. Это вообще будет заведомый проигрыш, потому что эти города про другое.

Но это не мешает мне снимать разные любимые места в родном городе.

В этот приезд я сняла то, что видят сотни людей, проходя рядом каждый день. Как вообще можно пройти мимо такой красоты? Я и не смогла: у меня около 50 фотографий одной и той же трубы.

И эта красота деталей — в городе повсюду. Махачкалу довольно сложно увидеть целиком, как одну картинку. Она разрозненная и всё время распадается на кусочки. Это тысячи мелких деталей — все разные и каждая уникальна. Люди пытаются построить свои маленькие миры среди общего безумия города. Каждый старается сам, не глядя на других. В результате дома с пристройками выглядят ужасно как целые объекты и прекрасны как отдельные истории.

Табурет у стены; дом с разными хозяевами и разным подходом к выбору цвета; стены, собранные из черепицы; напольный кафель на стенах.

Больше всего Махачкала напоминает мне, хотя и вымышленный, но такой реальный Анк-Морпорк.

«Это — Анк-Морпорк, „ГораДТысичи-Сюрпризов“» (как он называется в периодическом рекламном буклете-путеводителе, выпускаемом Гильдией Купцов и Торговцев). Что ещё тут добавить? Разве что следующее: это, кроме всего прочего, беспорядочно растущий метрополис, приютивший миллион людей, крупнейший на всём Плоском мире, раскинувшийся вдоль обоих берегов Анка, реки настолько грязной, что иногда создаётся впечатление, будто она течёт вверх дном.

«Но как он существует? — может изумиться приезжий. — Что его поддерживает? Откуда поступает питьевая вода, если воду из реки, перед тем как проглотить, нужно хорошенько прожевать? Что является основой городской экономики? И как так случилось, что этот город, вопреки всему, работает?» (Терри Пратчетт. «К Оружию! К Оружию!»)

Махачкала вызывает примерно такие же чувства и вопросы. Она выглядит как помесь лёгкого пост-апокалипсиса и кибер-панка и при этом город как-то живёт и функционирует. Что, в общем-то, хорошо.

Магомед Бисавалиев

Я шел к маме...

Я в ауле. С утра посетил могилу мамы. Сложно передать, какие были у меня ощущения, — я к таким вещам не привык. Мне должно было быть очень плохо, но была печаль, грусть, а очень плохо не было, не прослезился я там. Почему — не знаю. Когда я вернулся и нашёл дом пустым, было больно; когда у себя дома в Махачкале я наткнулся на некоторые вещи, которые имели отношение к маме, было печально и в горле ком. А у могилы мамы я молчал и смотрел на надгробие, на жёлтые полевые цветы, которые прогибались под ветерком, смотрел и молчал. Было странное, непонятное чувство. Там же рядом лежит мой двадцатилетний брат. Он был на лет пять старше меня, высокий, красивый и очень добрый — полная противоположность мне внешне и внутренне. Сейчас он стал на 25 лет младше меня, мне за 45. Тут же другой мой младший брат, который умер, когда мне было 6 лет. Эта самая ранняя смерть и боль. Я мало что понимал, когда уносили его на кладбище, но знал, что произошло что-то страшное, что я ранее не видел.

Я уже писал об этом, как увидел рыдающую маму, как убежал от этой жуткой картины, спрятался в каком-то хлеву один и плакал

потихоньку. Это были мои первые печали, с тех пор много воды утекло. Я стал старше моих старших, я скучаю по младшему брату, мне не хватает мамы и отца. Я, самый младший, самый избалованный мальчик нашей семьи, сейчас стою возле их могил, как согорбленный старик, который готовится туда, к ним. Я с ними мысленно беседую, голос подать боюсь, или стесняюсь, или не хочу. Я по ним скучаю, но не знаю, зачем сюда пришёл и что я тут, на кладбище, должен делать.

Чуть выше могила моего дедушки Бисав Али из Салда. Он умер молодым, в возрасте 37 лет; моему, ныне покойному, отцу Исмаилу было 10 лет, когда дедушка умер. Его могилу мне, мальчишке, показал отец:

— Вон та могила, где цветёт шиповник, могила моего отца, — сказал мне однажды мой ныне покойный отец.

Отец рассказывал, как бабушка после смерти своего третьего сына Бисав Али (так называли людей нашего рода в Джурмуте, через Бисав) от нестерпимой боли пошла к речке, выкопала там куст шиповника и посадила возле надмогильного камня сына.

— Она очень верила, что цветы шиповника делают ибадат Аллаху, и её сын,

который лежит в холодной, сырой земле получит облегчение, вознаграждение от шиповника, — сказал отец и отвернулся от меня, чтобы скрыть слёзы.

С того времени каждый раз, когда я проходил мимо кладбища или оказывался внутри его на похоронах сельчан, я искал взглядом могилу бабушки и красивые белые цветы шиповника над ней. Сегодня я почему-то не искал могилу бабушки, я его не знаю, он умер задолго до моего рождения. Там теперь оказались более близкие мне люди.

Первым делом пошёл к маме — она, наверное, соскучилась по мне. Простоял минут десять у её могилы и со странным, смешанным чувством зашагал прочь. Уже сворачивая за угол дома, обернулся и бросил взгляд на кладбище. Жёлтые цветы на могиле мамы будто махали мне, то ли прощаясь, то ли подавая знак, напоминая, что ждут.

Как же бессмысленна и скоротечна жизнь человеческая! Почему эта мысль человеку приходит только на кладбище? Кто её отгоняет, когда обижаем человека несправедливо, когда ворует, когда врем, когда жадно и бессмысленно копим что-то и строим планы, будто пришли на этот свет навеки? Почему? Когда спросили одного умного старца из Джурмута, чью проповедь он считает самой красноречивой, он на минуту замолк и ответил:

— Проповедь земли...

— Чего?

— Земли... сырой, холодной земли и вырытой могилы. Никакие назидания, проповеди и наставления на меня не действуют сильнее вырытой могилы, которая смотрит, как зверь в ночной мгле, и готова проглотить человека, который недавно был среди нас... Проповедь земли...

Загадочная смерть красивой женщины

...помнят они меня, я ведь тут вырос, поселился и плакал, провожал сельчан в последний путь и встречал новых людей. Помнят они меня, не могут не помнить. Я шёл к сестре, что осталась жить в ауле, и нес свою тоску. В доме оказалась и другая сестра, что приехала из города. Они приняли меня молча, угостили чаем, и мы начали беседовать о былом, о людях, об ауле, о родителях. Когда я рассказал о могиле бабушки, на которой растёт шиповник, в глазах старшей сестры появилась некая тревога, было такое ощущение, что она хочет меня перебить... Так и случилось, не выдержала она:

— Я сон видела... Страшный такой... нет, странный сон... Вижу во сне, как иду по нашему аульскому кладбищу к могиле нашего бабушки, и вдруг за ней раскрылась другая могила и встала по пояс женщина, которую я никогда ранее не видела. Красивая жен-

щина средних лет. Я испугалась сильно и тут же, во сне, спрашиваю: «Ты кто? Я тебя не знаю». Она говорит: «Я не ваша... я чужая женщина, с того дня как меня закопали, никто меня и не навещал, оставили тут одну. Я утопилась в реке, в вашей реке, тут похоронили... — После паузы она продолжила: — Тут не так страшно. Самое страшное — это тот миг перед смертью, когда ты чувствуешь, что нет тебе спасения». — Тут я проснулась.

Старшая сестра перевела дух и продолжила:

— Было жутко. Нет, не сам этот сон страшен — бывают разные, ещё страшнее. Меня охватил страх, когда узнала, что на самом деле там есть такая женщина. Не наша она, умерла, когда упала в речку с лошади на водоразделе в сторону Белоканы. Оттуда её речка унесла в сторону Джурмута. Салдинцы её

тело нашли в реке и похоронили на нашем аульском кладбище. Я об этой женщине слышать не слышала и не знала, что есть такая могила, а вот выясняется, что есть, и там противоречивая, загадочная история.

Вторая сестра подхватила тему:

— Когда она мне пересказала свой сон, я заинтересовалась. Поспрашивала наших аульских, сходила даже на кладбище и нашла могилу этой женщины, посмотрела на надмогильный камень. Там написано: «МухIамадова Аминат 1930–1960 с. росу Магъар, Чарада район». По рассказам джурмутовцев, это была очень красивая состоятельная женщина. Занималась торговлей в советское время — в Грузии, Армении, Азербайджане покупала золото, серебро, дорогую ткань для женских платьев и продавала в Дагестане.

Однажды они с мужем следовали на лошадях из Белоканы до перевала и дальше в Джурмут. Незадолго до их приезда несколько недель шли проливные дожди, вода в речках поднялась, неслась бешеным мутным потоком. В местности Нахъда один чабан видел эту пару. По его словам, слишком большая была между ними дистанция, будто поссорились они и держатся подалеже друг от друга. Уже у самой речки мужчина спешился. Женщина подошла к нему, и они стали разговаривать, точнее, ссориться — судя по жестам. Разобрать, о чём они говорили, чабану не удалось. Через некоторое время женщина сняла с лошади мужчины хурджины с рулонами ткани, нагрузила ими свою, села верхом и начала переход.

На середине реки течение оказалось настолько сильным, что лошадь то и дело сбивалась с шага. Видно было, что всадница испугана, она, бросив уздечку, обхватила гриву лошади обеими руками, но не пыталась повернуть назад. А через мгновение лошадь споткнулась, и чёрная волна накрыла сначала её, а затем и саму женщину, которая отчаянно билась, стараясь оттолкнуть от себя и тонущее животное, и злосчастные хурджины.

На поиски тела поднялся весь джамаат общества Джурмут. Искали долго, но метрах в пятидесяти ниже того места, где она

погибла, kloкотал водопад, а дальше река неслась между отвесными скалами, куда ни конному, ни пешему не добраться. Единственная надежда была, что тело унесёт дальше, в сторону большой реки Джурмут. Через несколько дней нашли утопленницу в ущелье, спустили тело по реке, принесли на плечах в Салда и там предали земле. И только потом вспомнили о муже погибшей.

Людям показалось странным его поведение. Непонятно, почему первой пошла она с гружёной лошадьёю. Почему он не сделал никакой попытки спасти жену, а спокойно наблюдал, как её уносит река. Да и в поисках тела он не особо усердствовал. Женщины, что обмывали тело погибшей, нашли на ней дорогой золотой браслет, а когда распутали и отмыли от грязи её густые красивые косы, обнаружили запутавшуюся в них большую золотую серьгу. И браслет, и серьгу они передали мужу. Ему не хватило ума и порядочности расплатиться с теми, кто обмывал труп его жены или хотя бы оставить им эту серьгу в благодарность за их работу. На следующее утро после похорон он молча покинул наше село и больше ни разу никто не явился, не посетил могилу этой несчастной женщины. Дядя моего дедушки Губур Али из Салда раздал садака за упокой души погибшей, которую никто из салдинцев толком и не знал, и установил надмогильную плиту, чтобы знали, кто она и откуда.

P.S. Вскоре после того, как я опубликовал эту историю в фейсбуке, на связь со мной вышел один из моих приятелей из аула Гочоб Чародинского района. Так я узнал, что муж несчастной утопленницы вскоре после её страшной гибели женился на другой и прожил до глубокой старости и умер лет 15 назад. Что, оказывается, у покойной остались дочери, которые знать не знали, где она похоронена. Она погибла в 1960 году, а могилу её дети и внуки посетили почти через шестьдесят лет. Всем аулом их приняли, провели к могиле, прочли молитву за упокой души. Что случилось в тот роковой день между мужем и женой, и почему он даже перед смертью не сказал детям, где именно, в каком ауле могила их матери, осталось тайной, которую покойные унесли с собой.

Солдатик с шашкой наголо

Ахмедхан Зирихгеран

Подъёмный кран, натужно заурчав, оторвал обгорелую, страшную будку от тротуара. На асфальт со звоном посыпались чёрные осколки стекла и покатались угольки. Кран проворно загрузил свою добычу в кузов грузовика и тот, пустив из выхлопной трубы чёрное облако, осторожно поехал прочь. Облако, постепенно рассеиваясь, висело там, где всего несколько минут назад стояла будка. Словно это она растворилась, исчезла в параллельных мирах.

По моим щекам катились слёзы. Я вытащил из кармана маленькую, но тяжёлую фигурку солдата в старинной форме. С шашкой наголо. Сзади, со спины этот солдатик был обожжён огнём. Я закрыл глаза и увидел этого солдатика. Целого и невредимого. Стоящего на витрине. В окружении множества других фигурок.

* * *

— Дядь часовщик, дядь часовщик, — щебетал Лёнька, пацан из соседнего двора, — а если я вам будильник принесу, вы мне во-о-о-н ту фигурку подарите?

— Хех, — хитро усмехнулся часовщик, — если я тебе её подарю, то другие её уже не увидят.

— А откуда ты будильник возьмёшь? — строго спросил Лёньку Фархад, не по годам серьёзный пацан из того же двора, никогда не снимающий пионерский галстук.

— А мне Ахмед обещал собрать, — серьёзно ответил Лёнька. — Он с отцом в часовой у кинотеатра работает, по два десять за ремонт будильника получает.

— Нужен ему твой будильник, — усмехнулся я, не сводя глаз с фигурок, — у него самого этих будильников как грязи.

Эта часовая будка, расположенная на оживлённом перекрестке, была для нас как магнит. Новости о том, что в будке дяди Шамиля появилась новая фигурка, распространялись быстро. И мы после уроков, а кто и вместо уроков, отправлялись поглазеть на новинку. Когда хозяину будки пришла идея начать собирать фигурки и как давно он этим занимается, я не знал. А спросить как-то стеснялся.

— А я теперь тоже собираю, — гордо выдал мне Лёнька во время очередной встречи у будки и вытащил из кармана фигурку.

— Где нарыл? — воскликнул я.

— Подарили, — гордо произнёс Лёнька и отвернулся, любуясь своей фигуркой в лучах солнца.

— Красивая, — полным зависти голосом произнёс я.

— Я больше коллекцию собираю, — улыбнулся Лёнька и спрятал фигурку в карман.

Я тоже загорелся идеей собрать коллекцию. Но где их взять? В свободное время я рыскал по городу, забегая в магазины. Но ничего интересного не находил. Да и очереди были везде, не особо и подберёшься к витринам.

Но мне повезло. Усталый, я шёл домой, согнувшись под тяжестью портфеля полного учебников. Я даже не смотрел по сторонам, я был голодный и хотел домой, где меня ждал как обычно вкусный обед, приготовленный мамой к моему приходу. И

мне не терпелось показать маме дневник, где красовались три пятёрки, которые я получил сегодня.

Каким-то боковым зрением я увидел, что из пакета, что несла к мусорке незнакомая девочка, вывалилась и со звуком, выдававшим металлическую тяжесть, ударилась об асфальт фигурка. Я подбежал и схватил её.

— Побирушка, ха-ха, побирушка, — засмеялась девочка.

— А чего ты такую красивую фигурку выбрасываешь? — удивлённо спросил я, не обращая внимания на её насмешки.

— Да это какие-то шахматы вроде, древние, утиль, — усмехнулась она. — Там ещё три штуки есть.

— Дай их мне. — Я потянулся к пакету в её руке.

— Бери, — хихикнула она и с размаху забросила пакет в мусорный ящик.

Ничего не ответив ей, я запихнул подобранную фигурку в карман и с разбегу запрыгнул на самый верх мусорного бака. Он, к счастью, не был пуст. Так что достать пакет было нетрудно. Стоя на бортике бака, я под издевательский хохот девочки достал из пакета три фигурки и, бросив разорванный пакет в бак, спрыгнул с него и убежал. От усталости не осталось и следа. Тяжести школьного портфеля словно и не бывало. Главным было то, что у меня теперь были такие фигурки, каких не было ни у кого. Даже у часовщика дяди Шамиля.

Это были необычные фигурки. Литые. Тяжелые. Я их отмыл и отполировал тряпочкой. Две из них были одинаковые. Как я предположил, это были пешки. И я понял, что теперь у меня есть шанс подружиться с хранителем коллекции, что манила меня за стеклом часовой будки.

— Здравствуйте, а это вам. — Я просунул руку с фигуркой в окошечко будки.

— День добрый, молодой человек, — заулыбался часовщик, отодвигая в сторону часы, над которыми склонился. — Какая великолепная фигурка!

— Это от шахмат, — деловито пояснил я, — кажется, пешка.

— А ну заходи, — улыбнулся он, снимая лупу с глаза, — я тебе тоже найду подарок.

— А как у вас на глазу лупа без нитки держится? — осмелев, выпалил я, забегаю в открытую дверь.

— А так, просто, — засмеялся он.

Я был счастлив. Я подружился с дядей Шамилём. И теперь иногда, стараясь не наглеть, я заходил к нему в будку. Он рассказывал интересные истории про свою коллекцию. Учил, правда, безуспешно надевать лупу. Дарил фигурки. Но я брал только те, которых у него было по две. Чтобы не портить коллекцию.

* * *

Тот день я запомню навсегда. Да, я видел, как жизнь вокруг меняется. Как уезжают мои одноклассники и соседи. Как Лёнька уехал с семьёй, в один день, бросив всё. Даже Фархад перестал носить галстук. По улице мимо часовой будки ходили возбуждённые толпы. То там, то тут слышались выстрелы. Но я старался не замечать этого. И дядя Шамиль, казалось, тоже. Он был так же весел и приветлив. И даже той тревоги в глазах, что я видел у своих родителей, учителей, да и у многих других, в его глазах я не замечал. Я аккуратно протирал фигурки от пыли, когда вдруг дверь будки кто-то дёрнул. В и без того тесное пространство будки вдруг зашли двое парней.

— Гони золотишко, дяхан, — зло гавкнул один из них.

— И не рыпайся. — В окошко с улицы другой просунул ствол автомата.

— Откуда у меня золото? — спокойно ответил дядя Шамиль. — Я часовщик.

— Вон золотые часики у него! — закричал тот, что был на улице.

— Это не золото, — усмехнулся дядя Шамиль, — и они даже не работают.

— А если найдём? — зло рассмеялся третий, с размаху положив автомат с перевязанными синей изолентой рожками на коллекцию фигурок, из-за чего она разлетелась во все стороны.

Я вскрикнул и рванулся в сторону фигурок, рассыпавшихся по полу. Схватил ту самую, шахматную пешку, с которой и началось наше знакомство.

— У него золотишко в этих фигнушках, — завопил один из парней, вырвав у меня их рук фигурку.

— Не трогай пацана, — вскрикнул дядя Шамиль.

— Вали-ка отсюда, дяхан, пока я добрый, — рассмеялся парень и наставил на нас автомат, — радуйся, что пацанёнок с тобой, мы детей не трогаем.

Дядя Шамиль, схватив одной рукой мою руку, а другой мой школьный портфель попятился прочь

из будки. А там, в его мирке, в его таком уютном и маленьком домике уже орудовали бандиты. Слышался топот и звон разбиваемого стекла. Стены будки подрагивали, словно рыдали.

— Идём, идём домой. — Дядя Шамиль потащил меня прочь.

Доведя меня до дома и убедившись, что я зашёл в квартиру, он, помахав мне, пошёл прочь. Он и сейчас перед моими глазами. Внезапно постаревший, с рубашкой, торчащей из-под костюма сзади. Без своей привычной кепки. Сгорбившийся.

Утром меня не отпустили в школу. Занятий не было. В городе стреляли. А вскоре папа нашёл машину и сообщил, что мы временно уедем. Я равнодушно сидел у окна и глядел на внезапно ставшие чужими улицы родного города. Где-то стояли стайками ребята, а где-то солдаты около БТРов. Мне было всё равно.

И тут машина завернула именно туда, к будке дяди Шамяля. Она вынырнула из-за угла, как об-

ычно бывало, когда я ехал мимо с родителями на маршрутке. Но это была не она. Будка зияла обугленными отверстиями окон.

— Нееет, неееет, — завопил я и дёрнул ручку двери, и чуть было не вылетел из машины.

— Ты куда, что ты? — закричала мама.

— Ну разве так можно? — выкрикнул водитель, резко остановивший машину.

Я выскочил и побежал к будке. Словно приветствуя меня, ветер распахнул обугленную чёрную железную дверь. Внутри всё было черным-черно. Подбежавший папа схватил меня и потащил к машине. Но я успел на улице, под будкой, заметить полубогровшего солдата. Я схватил его.

— Ну что ты делаешь? — недовольно отчитывала меня мама. — Вон, все руки чёрные.

— Хотя бы это верну дяде Шамялю, — всхлипывал я.

— Он умер, — как-то автоматически сказал шофёр, — в ту же ночь, после пожара.

Нам надо идти

Капли медленно ползли по стеклу, становясь всё крупнее и тяжелее и, в конце концов, срывались вниз, оставляя на стекле быстро исчезающий след. За окном бесновался ветер, набрасывая всё новые порции дождя. Окно было старое, деревянное, и ветер без труда проникал в комнату и приятно охлаждал лицо.

Надо было идти, но я всё зачарованно стоял у окна. Улица за окном превратилась в полноводную реку, которую рассекали окатывающие всё вокруг потоком грязных брызг машины. Отяжелевшие пакеты на деревьях безжизненно висели, слегка покачиваясь.

Дальше ждать не было смысла. Такси так и не приехало, хотя я вызвал его больше часа назад. Оставалось одно: идти пешком. Накинув на плечи рюкзак, я вышел из квартиры.

— Чё, приехало, да? — засуетился Кама, наконец открывший дверь после долгих звонков. — А чего ты не звякнул, я бы уже готов был.

— Размечтался, — хмыкнул я, — я отменил такси.

— Почему? — удивился Кама. — Пешком идти, что ли?

— Угадал. — Я присел на пуфик в прихожей. — Идём скорее, а то опоздаем.

— Не, ты чё, серьёзно? — Кама выволок из комнаты свой рюкзак. — Давай я вызову.

— Бесполезно, город утонул, свободных машин нет, может, на улице поймает, — предложил я, улыбаясь. — Или пёхом, трудно разве?

— Тады лады. — Кама ловким движением закинул на спину рюкзак. — Потопали.

Мы бодро сбежали вниз по ступенькам и нырнули в дождь. Ветер шатал ветки и швырял холодные капли в лицо. Всё вокруг было затоплено, и не было другого выхода кроме как топтать по лужам.

— Отвык от наших дорог? — усмехнулся я.

— Да ни фиги, я и прогноз заранее смотрел, и обувь вон какую привёз. — Кама гордо ступил в глубокую лужу.

— Я с утра прогноз смотрел. — Я шёл следом за Камой, у меня обувь была не хуже. — Так там написано: плюс пять, а ощущается, как минус пять.

— Да-да, у нас всегда так, — рассмеялся Кама.

— Ты куда? — остановил я Каму, уверенно направившегося в проход между домами.

— Так короче же, забыл?
— Там дом построили и закрыли дорогу.
— Да блин! — Кама, недовольный, пошёл обратно. — Шанхай и джунгли.
— Блины в твоём Питере, здесь надо говорить: «Да хинкал!» — рассмеялся я.
— Иди теперь ты вперёд, — проворчал Кама. — Хоть «чуду» кричи, когда в тупик упрёшься.
— Просто ты редко приезжаешь, вот и не знаешь, как всё изменилось.
— Лучше не знать, — Кама уже улыбался, — здоровее буду.
— Кстати, самая питерская погода, не?
— Она самая, — заулыбался Кама, не отрываясь глядя в окна одной из пятиэтажек.
— Она тут больше не живёт. — Я без слов понял причину его улыбки. — Идём.
— За кого хоть выскочила?
— Куда-то в селуху выдали, видел как-то пару лет назад, четверо детей, говорит.
— Вот успела, а, — рассмеялся Кама, — а я всё холостой.
— Догоняй, в чём проблема. — Я оглянулся на Каму, всё ещё не отрывающего взгляда от окна. — Можно и перегнать.
— Обязательно, — кивнул Кама, — до сих пор просто квартиры не было, теперь можно.
— Нашёл кого?
— Я не за этим приезжал, — запротестовал Кама.
— А я думал, что присмотреть кого.
— Не знаю, — нахмурился Кама, догнав меня и шагая рядом. — Не понимаю я их.
— Кого?
— Девушек наших, мне с ними говорить не о чём.
— Менталитет у тебя поменялся, видимо.
— Видимо, — усмехнулся Кама.
— Ну, ничего, всё будет у тебя. Я же свою тоже не тут нашёл.
— А вот и наш театр, — воскликнул Кама, — у нас и время есть, забежим, глянем.
— Там теперь борцовский зал, — хохотнул я, — иди и смотри.
— Да ладно-о-о, — изумился Кама, — такое бывает, что ли, ты почему не рассказывал?
— Не было желания об этом говорить.
— Офигеть, не представляя, что до этого дойдёт.

— Ну ты сам знаешь, кто у нас в театр-то ходил — только такие, как мы; пустовал зал, а после того как и певцов всяких пускать перестали, то естественно, что что-то непопулярное замещается чем-то более популярным.

— Ты сейчас такую умную вещь сказал, что я в осадок выпал. — Кама стоял лицом к бывшему театру и читал новую вывеску.

— Идём, идём, театрал, на поезд опоздаем. — Я даже не обернулся на здание.

— Я слышал, что тут наезжали на певцов и артистов, но не думал, что так далеко зайдёт, — бурчал Кама. — Видать, лиха беда начало.

— Помнишь Магу? Младше нас был, такой талантливый пацан, стихи писал.

— Да, да, помню, где он? Вспоминал его как-то, искал в сети, он-то незамеченным не останется.

— Его соседские пацаны буцкали постоянно, бросил он это дело. Встретил я его недавно — накачался, лексикон совсем другой, про стихи сказал, что он этой фигнёй больше не страдает.

— Помню, как он в библиотеке свои стихи читал, — воскликнул Кама, — сильная штука.

— В библиотеке теперь медресе, — рассмеялся я, предвкушая удивление на лице Камы.

— Мёд, видать, по сусекам скребут, — мрачно буркнул он.

— Книги сейчас никто не читает, чё помещению пустовать, — продолжил я ехидно.

— Можно сдать в туалеты, бумага везде нужна, — так же ехидно подхватил Кама.

— Нашим и там бумага не нужна, — рассмеялся я.

— Да, да, а я и забыл. — Кама тоже смеялся.

— Помню, давно ещё, когда на месте книжного открыли кафе «Барашка», я смеялся. Оказывается, это было только начало большого смеха.

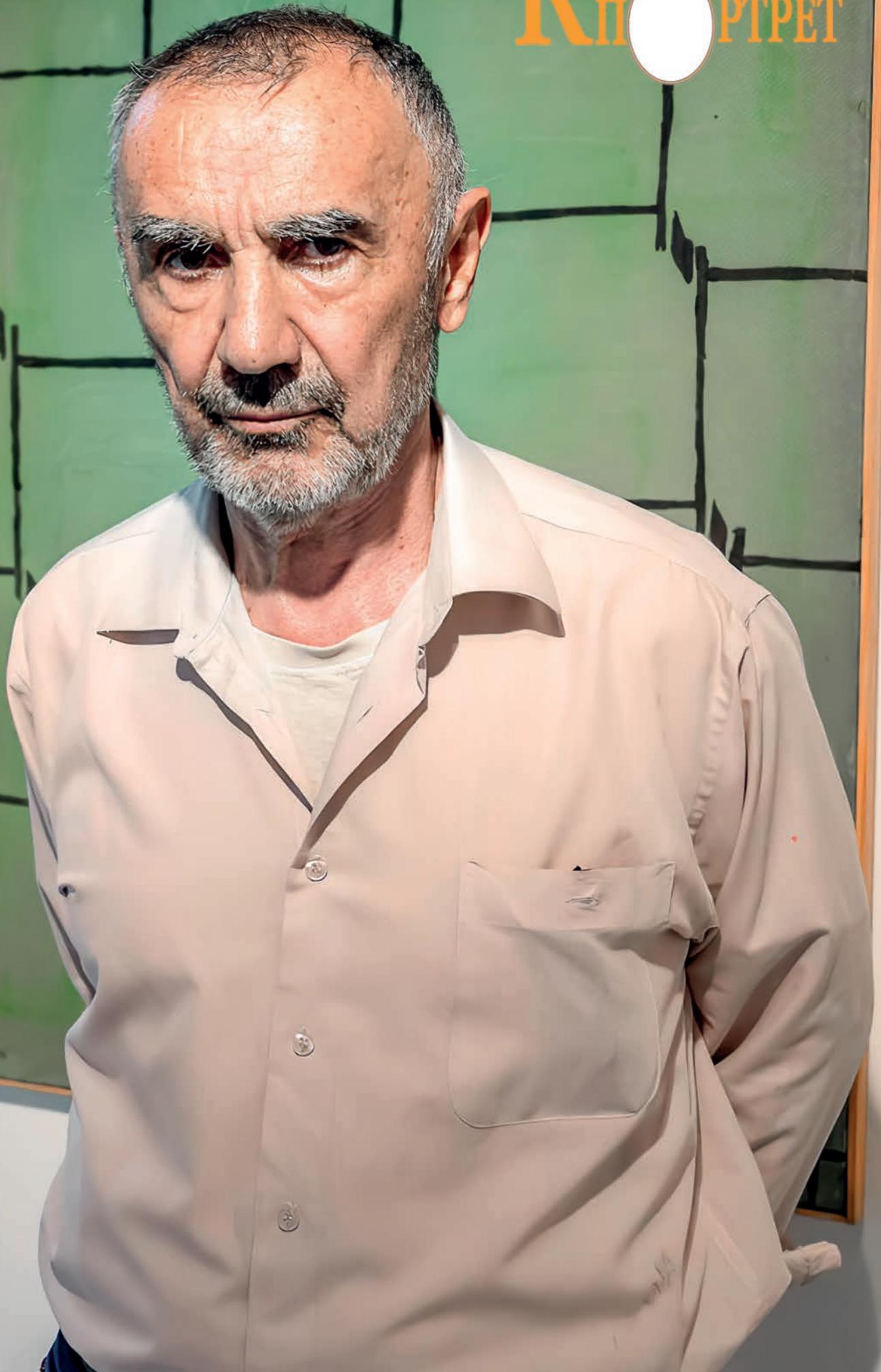
— Ну не плакать же, — улыбнулся Кама.

Мы шли по бесконечным лужам, между машинами, почти бездвижно стоящими в пробках, и смеялись. Смеялись и бежали по улицам нашего детства, некоторые из которых уже перестали узнавать. Шли мимо окон, где жили когда-то наши друзья. И даже хотелось остановиться и, как в детстве, подобрав камешек, запустить его в стекло. Но там уже жили другие люди, да и не бросают теперь камешки. Теперь пишут смс.

А вагон сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее нёс нас в нашу другую жизнь, мимо серого, заливаемого дождём моря.

КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Матвей Вик
Галин, 30. 1.
Анатолий Ков
Михайлович, 20. 1.
Михайлович, 20. 1.
Михайлович, 20. 1.